

Судьба человеческая любит делать неожиданные зигзаги и виражи. Моя тоже «отметилась»: почему-то (ни по профессии, ни по хобби, ни на спор — никак!) через двадцать лет после ухода из жизни воронежского прозаика — моего земляка-верхнемамонца Василия Белокрылова, с которым не была даже знакома, вдруг начала собирать его архив. А в нем оказалось столько захватывающего!

Василий Алексеевич — известная в литературе личность, не до конца реализованный талант, яркая натура в жизни. Он был человеком, нередко соединявшем в себе противоположные полюсы: талантлив, умен, разносторонне развит, харизматичен — один его полюс, и — несдержан, несобран, неукротим, подвержен человеческим порокам, с чем не в силах был бороться, — полюс второй. И память о себе оставил противоречивую. Многие его так до сих пор и считают «бородой с гитарой». Но в литературе он не был случайным путником.

Тайны архива раскрывают внутреннюю суть писателя: мышление, интересы, переживания, принципы, духовные ценности, боль... И все это сквозь призму его нелегкого жизненного пути, оборвавшегося так неожиданно рано в мае 1996 года.

Дорога его жизни оказалась непростой от начала до конца: то солнечной, то сумрачной; то светлой, как голубые снега детства, то мутной, как бурливые потоки вешних вод, сметающих на своем пути все нужное и ненужное; то громко-разудалой, каким и был сам писатель, то неожиданно резко обрывающейся, как высокие кручи над величавым Доном... Может, именно потому и судьба прозаика-земляка, и его творчество одинаково захватывающи. Не было там только покоя, равнодушия. А есть — поиски истины, вечные человеческие ценности, постоянное самосовершенствование и самореализация, сохранение родовых корней и построение собственной ветви — своего продолжения... И все это — как темным горохом по белому полю, помечено ошибками, сбойми, срывами, подножками судьбы.

Его дневники, письма, воспоминания, рассказы, собственные переживания, перенесенные на судьбы героев своих книг, передают совершенно неоднозначную, но яркую и сильную личность писателя, сумевшего пройти этот крутой и сложный путь. Никогда не знавший погибшего на фронте отца, воспитанный мамой, рано ушедшим из жизни дедом и неродной бабушкой, не имевший твер-

дого плеча поддержки и щедрой руки помощи, Белокрылов выстроил свою судьбу сам. По сути, человеческая и творческая дорога Белокрылова достойна бы стать сценарием захватывающего фильма или основой романа. Ему бы это и написать, но...

Его работа над собой, его творчество были замечены и оценены Константином Михайловичем Симоновым и Евгением Ивановичем Носовым, Николаем Михайловичем Почивалиным и Евгением Дмитриевичем Люфановым, Михаилом Яковлевичем Булавиным и Алексеем Тимофеевичем Прасоловым, Владимиром Григорьевичем Гордейчевым и Евгением Григорьевичем Новичихиным, список этот можно длить...

Сейчас, сквозь толщу лет, мне кажется, что писатель сделал мало, не все, что мог бы и что было суждено. Это ощущение-утверждение не просто так появилось. Отдельные сохранившиеся письма — настоящие произведения, где удивительным образом переплетаются и литература, и история, и традиции, уклады, обычаи... Одновременно не все написанное оказалось включенным в книги. Ранние рассказы разбросаны по газетам и, полагаю, по неизвестным пока адресам его недособранного архива... Но многое все же удалось найти.

Отражение отдельных периодов жизни писателя в дневниках, рукописях, письмах теперь становится драгоценным нашим достоянием и возвращает читателей его незаслуженно забытое имя.

Татьяна БАГРИНЦЕВА

ДНЕВНИК БУДУЩЕГО ПИСАТЕЛЯ

(11.01.1957 г. — 10.08.1962 г.)

11.01.57 г. Четверг.

В Калитве время проходит значительно быстрее. Потому ли, что рано встаешь и домой приходишь только в два часа, оттого ли, что здесь больше людей, меня понимающих и уважающих, — не знаю.

Сегодня первый день занятий во второй четверти, и уроки тянутся от неприглядно медленно.

Первый урок — история. Я люблю этот предмет, к тому же Павел Иванович Жилаев, который преподает нам этот предмет, вовсе не лишен фантазии, слушаю его с большим интересом. На истории я обычно отдыхаю после математики и немецкого языка. Зато на втором уроке мне ужасно хотелось спать: сегодня я встал в шесть часов, а на каникулах я, по обыкновению, поднимался в десять часов. Второй урок — геометрия. Я не люблю математику и не понимаю ее, я почти всегда дремлю на уроках математики от постоянного недосыпания или думаю совсем о другом, но только не о математике. Страшно, но я все больше удаляюсь от литературы и все сильнее увлекаюсь музыкой, хотя и здесь я пока терплю неудачу. Гитара... Она не дает мне покоя. Я выучил много мелодий с нот, знаю даже несколько народных песен в обработке Андрея Сихры, но собственная игра меня не удовлетворяет. Почему? В чем же причина? Я не могу ее найти. Слушая какую-либо мелодию по радио, я настойчиво начинаю думать, что исполнитель или играет как-то особенно, или гитара вовсе не похожа на ту, на которой играю я.

Вечером состоялось нечто вроде комсомольского собрания. На нем говорилось о спорте и прочих школьных делах и мероприятиях, но едва ли наши учителя увеличат требовательность. Мы всегда много решаем и почти всегда ничего не делаем. К этому уже успели привыкнуть все в школе, и поэтому такое никого не удивляет.

Вечером начал читать «Дженни Герхардт» Теодора Драйзера и удивлялся, почему раньше не прочитал эту книгу. А может быть, к лучшему: тогда я не обратил бы внимание на очень многое.

12.01.57 г. Суббота.

Сегодня совсем неожиданно провалились всем классом. Первый урок — тригонометрия, но прошло пять, потом десять минут, а Петра Константиновича все не было.

— Хоть один раз за три года не пришел, — сказала одна из учениц.

Она была права. Ребята так развеселились, что голоса стали вылетать даже через плотно прикрытую дверь, и вскоре нашу «свободу», как и следовало ожидать, обнаружили.

Сначала в дверь просунулась голова директора. Он спросил:

— Почему так кричите? Что у вас за урок?

Ответили. И не прошло и двух минут, как в класс протиснулась массивная фигура Петра Константиновича.

— Не понимаю, что это такое, — сердито говорил. — Сидят и довольны. Эх...

Его возмущению не было границ, но постепенно он успокоился. До конца урока оставалось несколько минут.

Сегодня — кинокартина «Наследие». Решил пойти. Мне понравилось, что зрители с таким напряжением сидели до конца сеанса. Хорошо показана борьба человечности и совести с жадностью буржуазного мира. Это в основном — цель картины. А вот в существовании такого рода «хороших» капиталистов я сомневаюсь.

Понравилась слова одной песенки:

«Этот мир — палач любви...»

Это больше чем замечательно. А позади меня сидела та, о которой и сейчас не перестаю думать. Неужели мне не удастся вырвать ее из своего сердца?.. Домой¹ шел с внутренней болью. И только Нина² и ее чудесные глаза вернули меня к прежнему состоянию. Долго читал «Дженни Герхардт».

13.01.57 г. Воскресенье.

Встал поздно, но не выспался так, как дома, в Дерезовке. Утро влияет на меня как-то особенно сильно. Все кажется мелочным и гадким, даже сам себе; мир — это пустота, и все заслоняет тот образ, о котором думаешь подчас, и он теряется где-то в пустоте.

15.01.57 г. Вторник.

С пятого урока меня вызвали в райвоенкомат. Была история, и директор отпустил меня, как мне показалось, без всякого раздумья, что случается с ним не очень часто. Я вышел в коридор и увидел двух Иванов — Курдюкова и Рыжкова, которые в прошлом году окончили среднюю школу. Второй, по-видимому, приехал за грузчика. Он был весь в каком-то мазуте, и даже лицо выглядело не совсем прилично.

В военкомате, как я ожидал, пришлось вместо нескольких минут просидеть около двух часов. Билет я получил только в начале четвертого. Меня признали негодным к нестроевой службе в мирное время и зачислили в запас второй категории³. Итак, я получил «Военный билет», красную книжечку с отметками моей небольшой жизни.

¹ В Новой Калитве Василий жил на съемной квартире.

² Нина, дочь хозяев квартиры, в последующем стала женой писателя.

³ В детстве при разрыве гранаты Василий потерял правый глаз.

Василий Белокрылов. 1957 г.

В пять часов вечера на клубной машине выехали в село Криничное ставить концерт. В клубе, перестроенном из церкви, было страшно холодно, и мне даже показалось, что в машине было гораздо теплее. Выпили по двести грамм дурного можжевельного, и концерт начался. Я исполнил три песни: «Когда поет далекий друг», «Почему?» и «Верный друг» композитора Островского. Спел хорошо — в клубе резонанс был замечательный.

В Калитву приехали в полдвенадцатого. Нина еще не спала. Внутри у меня пощипывало от холода, я закурил и быстро заснул.

16.01.57 г. Среда.

Сегодня Петр Константинович вызвал меня к доске решать тригонометрический пример. Я очень плохо разбираюсь во всевозможных \sin и \cos , но этот пример, хотя и с помощью, мне удалось решить.

— Учи формулы, плохо знаешь...

Учитель был прав: я ленив, особенно к мате-

матике. У меня есть сила воли, но она проявляется только там, где мне что-либо нравится. Придя из школы, начал разучивать вариации на тему старинной народной песни «Взвейся выше, понесися, сизокрылый голубок» в обработке А. Сихры. Потом пошел к Виктору Викторовичу. Он обрадовал меня, даже больше. С Нового года он изменился до неузнаваемости. Он решил построить свой собственный домик и жениться. Свой план он изложил мне так ясно, что я не сомневался в его осуществлении. Я верю в него.

Особо интересного ничего нет.

10.02.57 г. Воскресенье.

На дворе — весна... До дома доносится гул оврага, и лед на реке так посинел, что кажется, вот-вот тронется. Странно. Февраль в самом разгаре, а на дворе так тепло.

В школе нет ничего интересного. Сегодня воскресенье, я дома весь день. Днем сходил в библиотеку, взял 7-й том М. Горького и роман «На берегах Дуная». Вечером смотрел кино «Пролог», о революции 1905 года. Понравилось.

19.02.57 г. Вторник.

Я стал другим, и это пугает меня. Что заставило меня так измениться? Меня стали уважать те, которые раньше не хотели разговаривать со мной. Я добился этого, потому что стал жить их жизнью, но что это дало мне? Ничего совершенно. Я стал хуже и скоро буду презирать себя. Но что делать?.. Начиная иногда думать точно так, как те, с которыми раньше разговаривал просто по необходимости, стал слушать рассказы и случаи, которых раньше боялся. Писать я перестал совсем, и это меня пугает больше всего.

Вот уже вторая неделя, как на дворе невылазная грязь. Сегодня ушел с пятого урока. Мне хочется побыть одному, и я ожидал, что тети не будет дома. Но я ошибся. Что было делать? Я начал читать 1-й том Джека Лондона, который читал раньше. Первые строки «Северной Одиссеи» взволновали меня. «Полосья пели свою бесконечную песню, поскрипывала упряжь, позвякивала колокольчики на вожа-

как; и со собаки, и люди устали и двигали молча...» И мне вдруг вспомнились запущенные морозом окна нашей комнаты, тиканье старых часов на стене и стол, заваленный большими чистыми листами почтовой бумаги. Каждая удачно написанная строчка заставляла меня торжествовать и волноваться, звала к жизни... Я повторял ее несколько раз, ходил по комнате, курил и снова садился за маленький стол. А теперь? Нет ничего. Я сделался маленьким пятнышком, прежние видения, которые должны были осуществиться, стерлись, как след карандаша от прикосновения стиральной резинки.

Тетя собралась куда-то уходить, и я обрадовался этому, как малыш, узнавший, где спрятано сладкое, которое можно скушать только в отсутствие матери.

Начал проигрывать недавно разученную песню в обработке М. Высотского «Как скоро я тебя узнал». Вскоре пришла Нина, задержавшаяся в школе. Анатолия⁴ все не было — он задержался в школе. Их класс будет давать концерт в день Красной Армии, и они остаются после уроков репетировать.

Незаметно наступил и вечер. Играли в карты, потом я стал снова читать Джека Лондона. Замечательный писатель, но переводчик (по-видимому, он) кое-где допускает явные нелепые ошибки, с которыми Лондон, я думаю, никак бы не согласился.

На дворе ветер и, кажется, дождь... Когда же, наконец, установится погода?..

20.02.57 г. Среда.

Дни летят очень быстро. Сегодня уже среда, скоро и конец месяца. От уроков я отвык совершенно. Учить никак не хочется. Почему это? Сегодня Иван Тарасович спросил по физике. Получил тройку. Для меня достаточно и того, что есть. Физику я не понимаю совершенно, на уроках тригонометрии я похож на дикаря, впервые попавшего в цивилизованный город. От литературы тоже стал незаметно отставать и не знаю, что делать. У меня есть планы на будущее, а это будущее не так уж далеко. Окончив среднюю школу, я думаю поступить в музыкальное училище по классу гитары и там же писать. Недавно решил отослать в журнал «Юность» стихотворение «Весна» и обработанное — «Человек». Нового ничего нет, но я думаю, печатные строчки и запах типографской бумаги вновь возвратят меня к той жизни, которой я жил раньше. Прошло уже, наверное, полмесяца, как я получил письмо от Сашки, но ответа ему все еще не написал и не знаю, напишу ли? Письма нужно написать Москвитину Вл., Зыкову П., Болтову и Сергееву. Звягин странствует где-то далеко на Севере, «изучает жизнь народов Коми», как он выражается в письме ко мне, и, наверное, страшно недоволен мною за долгое молчание. И он прав. Нужно всем дать ответ. Друзья детства всегда остаются друзьями, хотя бы в воспоминаниях. Недаром говорится: «Старый друг дороже новых двух».

21.02.57 г. Четверг.

Утром немного подморозило. Воздух был чист и прозрачен, точь-в-точь как ранней весной. В классе, полутемном и душном, сидеть не хотелось, и почти все ребята вышли во двор. Шутки, смех, остроты...

Прозвенел звонок на первый урок. Иван Тарасович пришел злой, как дьявол. Вперед он обещал спросить меня второй закон преломления, но, по-видимому, выпустил из виду. На втором уроке разбирали сочинения на вольную тему. Иван Иванович прекрасный юморист, и мы все от души смеялись.

На переменах школа пуста — мы все выбегали на улицу, и только девочки, заняв все углы, зубрили психологию и другие предметы.

⁴ Анатолий Свиридов — двоюродный брат Василия.

На четвертой перемене меня остановил Петр Иващенко и сообщил, что сегодня должен состояться концерт по случаю приезда Тенева, депутата в Воронежский совет депутатов трудящихся. Я согласился.

Два последних урока — электротехника. Спорил с Иваном Тарасовичем о литературе. Он довольно бойко прочитал замечательное стихотворение Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива», забыв первые строки.

Все уроки, вопреки моим ожиданиям, прошли весело, без двоек. Наступают дни весны, и все понемножку начинают удаляться от уроков. Скоро сильные мира сего — Тарнавичи, Путилины и Ароновы — начнут совершать пчелиный танец вокруг оципанной природой и козами парка, смотреть на луну и мечтать. Потом экзамены, выпускной вечер... Доживу ли я до него? Иван Тарасович обещает меня и Дегтярева, первого шахматиста школы, оставить на осень, но это только обещания...

Домой пришел в веселом настроении, но потом почему-то стало не по себе. Делать ничего не хотелось. Взял гитару, но разученные мной мелодии уже не удовлетворяли слух и навевали тоску. Взялся читать Лондона, но неожиданно пришел Плохих, и книгу пришлось отложить в сторону.

Пошли на кручу. Вода уже залила луг и лизала меловые кручи Придонья. Посмотрел вниз: голова закружилась, и по спине побежали мурашки. Прозябнув, вернулись в комнату. Уже шесть часов. В клуб идти не хотелось. Сели играть в «дурака», но вскоре надоело и это.

...Нина вышивала какой-то нескончаемый узор, я читал Лондона. Хотелось спать, глаза неприятно пощипывало что-то, и я подумал, что нужно спать. Ложиться привык очень рано.

28.02.57 г. Пятница.

Всю ночь шел снег, крупный и мокрый. Ходить от непривычки по усыпанной снегом земле было странно смешно, точно по болоту. А утро было прекрасное. Над Доном жидкий белесый туман и какая-то мягкость в воздухе. В школу не хотелось заходить. Насилу дождался последнего звонка и заспешил домой, но около магазина меня окликнули. Остановился. Ко мне подходит Иващенко Петр и Соколов Виктор. Разговорились. Виктор заметно изменился: стал уравновешеннее и значительно серьезнее прежнего.

Встретил и своих ребят: Курдюкова Ф. и Ивана. Они ехали на Митрофановку, но машина загрузла на берегу Дона и без трактора не могла ехать. Пообедав, я пошел к месту аварии, собираясь уехать домой, но снова встретился с Виктором. Остановились на мосту. Заговорили о литературе. Он прочитал мне одно стихотворение, которое вернули из «Молодого коммунара», и спросил мое мнение о нем. Мне стихотворение понравилось, и я сказал ему об этом.

Машину удалось вытащить только в четыре часа, но шофер испугался ехать ночью и решил заночевать в Калитве. Если удастся, то завтра уеду с ним или лучше всего пойду пешком. Так будет вернее.

Пошел в клуб. К 8 марта готовлю две песни: «Любимые глаза» из кинофильма «Хитрость старого Ашира» и «Мужской разговор» на слова поэта Доризо. Спать хотелось ужасно, и лег я рано. Завтра буду дома.

06.03.57 г. Среда.

Вспоминаю Дерезовку и все, что там произошло. Дома я был ровно в час, и в первую очередь зашел к Зыкову Николаю. Дома его не оказалось, и его бабушка сообщила мне, что он ушел в центр.

— Но, как только придет, обязательно скажу, — добавила она.

Маму я застал за столом: она что-то вышивала и обрадовалась мне так, что даже выпустила из рук яркий клочок своей работы.

Покушав, я сразу принял за гитару. Вскоре пришла женщина, мне почему-то незнакомая, и скоро ушла. Затем неожиданно появилась бабушка и сказала, что Николай поехал куда-то вниз по Дону. Меня это немножко обидело.

06.04.57 г. Суббота.

Ровно месяц прошел, как я брался за свой дневник. Незаметно кончилась третья четверть, быстро и бесполезно прошли весенние каникулы, и вот я уже четвертый день в Новой Калитве.

Началась четвертая четверть, наступила весна, теперь уже настоящая, скоро кончится и учебный год, начнутся экзамены. Быстро летит время, день сменяется ночью, ночь сменяет день, и только я остаюсь все тем же Белокрыловым Василием.

Сейчас я чувствую себя хорошо, а что было три недели тому назад? Проклятая болезнь⁵...

Рад, что снова вступаю в литературу. В четверг послал в «Молодой коммунар» три стихотворения. Секретарь районной газеты, студент Московского государственного университета имени Ломоносова, утверждает, что если не напечатают все три, то два обязательно. Это было бы замечательно. Да, в конце концов, даже их рецензия снова дает мне силы, и я что-либо буду писать. Сегодня суббота, в школе у всех хорошее настроение, и почти все недовольны новым постановлением. Раньше допускались до экзаменов даже те, кто имел по двум предметам неудовлетворительные оценки, и, не сдав экзамен весной, держал экзамен осенью, теперь же совсем по-другому. Ученик, получивший хотя бы одну неудовлетворительную оценку, до экзаменов не допускается, и сдает экзамен не осенью, как это было раньше, а на следующий год весной. А у меня в школе, как всегда, не все благополучно. С физикой творится что-то неладное. Говорил сегодня с Иваном Тарасовичем. Уверяет, что если я получу тройку в этой четверти, все будет хорошо. Если бы так.

Пришла в голову мысль написать, т.е. отослать стихотворение «Весна» в какой-нибудь из центральных журналов. Попробую, что мне ответит литконсультант — раб того, где работает?

09.04.57 г. Вторник.

Неожиданно похолодало. В школу в костюме идти было почти невозможно. Для ребят зарядка не было — носили бревна, освобождая место для футбольной площадки. Первый урок — геометрия. Петр Константинович спрашивал старый материал.

По литературе одно мучение и для учеников, и для учителя. Иван Иванович — прекрасный литератор, но от наших учеников он хочет добиться невозможного. Дело в том, что он всех приучает к самостоятельности, а наши ученики к этому совершенно неспособны, потому что 9 лет зубрили материал по литературе. И сейчас в классе творится что-то непонятное: литературу не знают, потому что боятся зубрить, да к тому же это бесполезно, а самостоятельно понять самую простую мысль большинство совсем не в состоянии.

Из школы я ушел с четвертого урока. Было холодно даже в фуфайке, да притом я снова начинаю болеть. У меня было предчувствие, что Н. будет дома. Так оно и оказалось, хотя ее и не было в комнате.

Совершенно случайно мне под руки попалось несколько писем какого-то В. и записка О.С. Меня удивило одно: почему так рано Н. стала думать о любви? Ведь девчата в ее возрасте даже не знают, что такое любовь, а она? Нет, она чем-то не похожа на других.

Настроение у меня испортилось, хотя и не было хорошим. Оказывается, она с

⁵ У Василия была язвенная болезнь желудка.

каждым днем нравится мне все больше и больше. Она странная. Вечером она вдруг порвала целую пачку писем Андрея, своего бывшего любимого (?) только потому, что я спросил ее, зачем она хранит письма...

Как все надоело. Учиться не хочется. Плохо чувствовать себя пессимистом, зная, что это вредно. Но что можно сделать?

Читаю второй том М. Горького. Он наводит тоску. Да, страшную жизнь пришлось ему видеть. А мы? Чуть колыхнет ветер — сразу ныть, жаловаться, удивляться неустройству жизни... Нет, это плохо.

Жду ответ из «Молодого коммунара». Примут ли хоть одно стихотворение? Уверенности почему-то нет.

Завтра трудные уроки, а я снова как следует не подготовился. Когда же кончу ее, эту школу?..

18.04.57 г. Среда.

Пришел, наконец, ответ из «Молодого коммунара», который меня страшно удивил. «На первый взгляд, — пишет какая-то Жигульская, — в стихах ваших все правильно — небо голубое, есть и звезды на небе. Не хватает только «пустяка»... Не обижайтесь, т. Белокрылов, но стихи, подобные вашим, приходят к нам сотнями». Сомневаюсь, чтобы наша область была так богата пишущими людьми.

Секретарь тоже был удивлен не меньше моего и в этот же день послал язвительное письмо с подлинником литконсультации и стихотворениями в журнал «Советская печать». Что будет — не знаю.

А вообще — скучно. В школе так опротивело все, что хочется убежать куда-нибудь к чертовой матери. Даже на уроки литературы иду с неохотой. В классе сидят оголтелые пустышки, для которых литература — это что-то навязчивое и ненужное. Учитель тоже говорит с неохотой, чувствуя плевое отношение к ней.

Ходить никуда не хожу — не хочется, да и болел к тому же. Вот эта болезнь. Как бы не лечь на операционный стол! Боюсь.

03.05.57 г. Суббота.

Завтра состоится фестиваль, если позволит погода. Сегодня, наконец, пошел дождь. Кругом посветлело, запахло зеленью. Быть бы завтрашнему дню тихим и солнечным.

Я совершенно ничего не готовлю. Чувствую себя плохо, особенно морально, но об этом у меня все подробно будет в моих воспоминаниях. В эту тетрадь писать я не решаюсь по сложившимся обстоятельствам. За мной постоянно шпионят.

12.05.57 г. Воскресенье.

Сразу узнать человека очень трудно. В этом я убеждался не один раз. С Кузякиным⁶ я познакомился около двух месяцев назад. Сошлись с ним быстро и как-то сразу стали друзьями. Он оказался довольно умным и проникательным, и поэтому сразу я не мог понять его. Раскрылся мне он сам. Это меня больше всего удивило. Сейчас я узнаю его все ближе и ближе. Странные люди... Все охотятся за девушками, а он за ребятами, и, по его словам, получает наивысшее наслаждение. Он принадлежит к плеяде людей, занимающихся гомосексуализмом. Леонардо да Винчи, Аскольд... и многие другие тоже жили такой жизнью. Человеку, не знакомому с этой болезнью, становится смешно, это вызывает невольное отвращение...

Я начинаю понимать, что он разменивает себя на мелочи, свою страсть к мужскому полу он считает основной и уже сейчас задумывается над тем, как он будет устраивать свои отношения с ребятами лет через десять.

⁶ Фамилия изменена.

С сыном Сашей. Начало 1960-х, г. Калач

— Если бы я был законодателем, — говорит он, — я бы собрал всех педерастов и поместил их в комфортабельную колонию.

Сегодня у меня счастливый день: Н. почти уже полностью принадлежит мне!..

13.05.57 г. Понедельник.

В школу не пошел и стал починять развалившиеся ботинки. Станным я стал последнее время. Раньше бы я побоялся даже писать об этом, а сейчас... вообще, я совершенно изменился. Год назад и раньше, как же я смотрел за своим костюмом! И особенно здесь, в Новой Калитве. Я никогда и ни за что на свете не согласился бы в порванных штанах выйти на люди. Я знаю, что быть неряшливым — очень плохо, но сейчас это мелочное, житейское меня почему-то ничуть не волнует. Я вовсе не хочу сказать, что я занят какой-то важной работой, отнимающей у меня все свободное время. Нет! В этом году, например, девушки для меня не существуют. Я уяснил для себя такое правило: если девушка полюбит тебя, то она не будет смотреть на внешность. И это так.

Заглянул ко мне сегодня Виктор Плохих и по дороге в центр рассказал о том, что Кузякин открылся и ему. Странно... Ведь он может погореть. Я играю роль ничего не знающего, и Виктор верит мне. Смешно... А мне иначе уже нельзя.

Купил избранные произведения Бунина. Не знаю, понравится ли мне? В библиотеке взял повести и рассказы Вересаева. Начал читать повесть «Без дороги». Начало понравилось, не знаю, как дальше. Когда же я сяду что-либо писать. Меня влечет проза, а для нее особенно нужно время. А тут эти экзамены, до которых меня, быть может, снова не допустят... Когда же окончу эту школу?..

<...> (Кусок листа оторван. — Т.Б.)

14.05.57 г. Вторник.

Каждый день я проклиная цивилизацию, а вместе с ней железные односпальные кровати! Ложись спать, чтобы отдохнуть, а получается наоборот. Кровать прогибается, и утром страшная ломота во всем теле. Вставать не хочется.

В классе почти пусто: девчата, наверное, еще зубрят литературу. Было четыре

темы. Я взялся писать «Евгений Базаров и Гриша Добросклонов», а что писать? Ведь я не готовился. «Выеду на философии», — решил я и храбро взялся за ручку. Сочинение писалось очень плохо — я совершенно не думал о том, что пишу. Закончил, когда зазвонили на вторую перемену, сошел вниз, отдал Нине ручку и пошел домой, решив зайти в редакцию.

Дома совершенно нечего делать. Хочется что-либо писать, но не о чем. Написать бы хоть какую-нибудь заметку. Посидел в сарае и решил идти к Плохих Виктору.

Завтра трудные уроки, а я даже не знаю, что учить. Вечером смотрел кинокартину «Если бы парни всего мира...». Мне очень понравилось... <...>

15.05.57 г. Среда.

Не спал всю ночь. В комнате страшная духота и комары. Заснул только в полшестого. В семь встал.

«Зачем идти в школу? — спрашиваю себя. — Ведь я ничего не готовил». Первый урок — психология, и мне удалось списать задачу по тригонометрии, иначе — что делать? Но на первой перемене узнали, что будем писать самостоятельную работу. Я хорошо знаю, что не могу решить даже простой задачи, но это не убивает меня. Отчего это — я не знаю.

На воспитательном часе разбирали сочинения, и я вновь убедился, что бываю гаденьким эгоистом. Иван Иванович начал хвалить сочинение Сергеевой Лидии, а мне стало обидно. А почему не мое? А мое сочинение чуть ли не на двойку. Правда, это моя личная оценка, но... все-таки я часто переоцениваю свои знания. О, как это дурно!.. Шел домой, думая об этом.

«Нет, беден мой литературный язык. Пошлым языком пишу», — бичевал я себя. А зачем? Нужно больше учиться, писать. А что пишу я? Ничего, ничего, совершенно ничего за этот год.

Завтра Нина уезжает на фестиваль в Воронеж. Завидую ей! Читаю В.Вересаева, он нравится мне. Кажется, даже лучше Бунина.

29.05.57 г. Среда.

В Калитву выехал ровно в шесть часов. Навстречу дул сильный ветер. Чеченев Иван и Звягин Василий, которые живут дома уже больше недели, проводили меня до конца села и поехали обратно. В Калитву с большими трудностями добрался к восьми часам. Мои хозяева сидели у ворот. Во двор я заехать не решился и стоял около них вплоть до темноты. Наконец, они вспомнили обо мне и сказали, чтобы я заводил велосипед.

Я вошел в комнату. Нины дома не было. Я загрустил. Когда я был дома, я как будто вовсе не думал о ней, а сейчас...

Где она, найду ли я ее? К счастью, мы встретились... <...> Теперь я стану ей значительно ближе.

Спать лег очень поздно. Завтра сдаем сочинение на аттестат зрелости. Хотя я не боюсь сочинения, но все же интересно, какие будут темы.

30.05.57 г. Четверг.

Встал, наверное, в пять часов, подошел к радио. Молчит — значит, можно спать еще. Разбудил меня шум дождя. Вставать страшно не хотелось. Умыться нечем, есть нечего. Правда, я рассчитывал на те пять рублей, которые лежали у меня в кармане. Несколько раз курил в уборной. Сходил в магазин, купил печенья. Наконец, зазвенел звонок. В класс вошел директор с пакетиком в руках и стал его распечатывать. Темы были: «Ленин, партия и народ в поэме В.В. Маяковского «В.И. Ленин», «Сатирическое изображение крепостничества в поэме Н.В. Гоголя

«Мертвые души», «Давыдов и Половцев в романе М.А. Шолохова «Поднятая це-лина».

Я писал третью тему. Сочинение вышло плохим, удалось написать только пять листов с половиною. Я люблю свои мысли выражать очень кратко, говорить только о главном. Какова будет оценка — не знаю.

Встретились с Н. Черных. Он собирается ехать в Воронеж на курсы баянистов. Желаю ему удачи, у него есть способности.

Сходил в парикмахерскую и сел писать письмо Москвитину Вл.

08.06.57 г. Суббота.

Сдали уже три предмета. Сегодня — геометрия. Эти два предмета — алгебру и геометрию — я особенно боялся, но все обошлось благополучно.

В личной жизни перемен нет. С Ниной продолжаю встречаться. Ответ из музыкальных училищ пришел, и ни в одном из них нет класса гитары. Очень печальное явление. Неужели весь год придется сидеть дома?

В понедельник сдаем немецкий язык.

10.07.57 г. Среда.

Скоро и лето кончится, а я все еще не брался за свой дневник. Что со мной? Помню, предостерегал меня Сашка, когда я сообщил ему, что хочу серьезно заняться гитарой:

— Смотри, распылишься...

Я не согласился с ним, а теперь чувствую, что он был больше, чем прав. Правда, иногда сейчас на меня накатывает порой прежнее вдохновение, так бы и схватился за перо, но в голове готового ничего нет, и я не берусь, зная, что кроме нескольких умных строк, ничего не будет.

Школу окончил, получил аттестат, а вот поступать куда-то в этом году уже не придется. Да я и не хочу поступать туда, где мне не нравится. Хочу в музыкальное училище, но класса гитары нигде нет. Осталась последняя надежда — жду ответ из Москвы и Ленинграда. Если нет и там — напишу небольшую заметку в «Комсомольскую правду». Может быть, что-либо выйдет.

В Калитве не был вот уже две недели. Вчера хотел ехать, но не удалось: не было машины. Нина теперь скучает. Жаль ее, хорошая девчонка. А у меня здесь снова что-то начинается смешное. Я уже доволен и вижу бессилие молодых сердец. Вот глупенькие...

Теперь закончили почти с хатой, можно серьезно за что-либо браться.

Июль 57 г. Воскресенье.

Вот и лето прошло незаметно, а я только берусь за свой дневник. Что это? Задаю себе этот вопрос и не могу ответить. Давно ли это началось? Да, давно. Вот прошел уже год, а я и не брался писать ничего серьезного. С того самого дня, как я увлекся нотами. Мне стыдно скрывать от самого себя то, что мне дорого, что мне дали годы усиленного раздумья о человеке, его душе. Да, я стал уличным героем, о котором говорят с уважением, и которого никто не знает на другой улице. И здесь знают только потому, что он болтун.

Сейчас работаю на карьере. О девчатах. О них можно много писать, что я и постараюсь сделать, вспомнить тот день, когда я получил от Н. то страшное письмо.

Вот оно: «Василий, здравствуй! Я тебе всегда говорила правду. Это так? Да. Вот и сейчас я не хочу обманывать тебя». <...> В этом письме она предлагает порвать наши отношения. «Лучше расстанемся друзьями, чем быть врагами», — пишет она. Странно и непонятно. Я даже не думаю, что это письмо написано ее душой. Или она подчинилась силе чьих-то убеждений, или, услышав какую-нибудь сплет-

ню, обвинила в болтовне меня. И вот результат — это глупое письмо. Я сразу сел писать ответ, и через несколько минут письмо было готово. Но оно так и осталось лежать в блокноте до счастливых дней. Зачем посылать его? Я слишком хорошо знаю силу убеждений.

Итак, это письмо еще раз подтвердило правоту моих мнений о девушках. Она, эта же Н., готова была выцарапать мое последнее око, бросалась чуть ли не в истерику, слыша о том, что она первая подаст весть о разрыве. И вот... Я не понуждал ее к этому, она, она во всем виновата.

Через несколько дней вместе с письмом Москвитину я послал и ей. Ответит или нет — это меня больше всего волнует.

03.09.57 г. Понедельник.

Вместе с осенними листьями с меня начинает слетать и летняя дурь: берусь за книги, ноты. А скучно в этой деревне, с ее пылью, мухами... Подышать можно только ночью. Идешь по улицам и радуешься. Тишина, только изредка можно услышать бляение овцы в хлеву да кошачьи дуэты под старыми запыленными плетнями. О, этих дуэтов можно послушаться вдоволь. Весна далеко, а они уже страдают нетерпением. Осень хороша прохладой и грустным увяданием. Скоро начнутся дожди, невылазная грязь по дорогам; тучи, тучи на небе, солнца нет и нет. Эту зиму и весну мне надо много работать, чтобы не обрести себя на вечное осадное положение в этой дыре.

Немецкий язык... Даже вспоминать страшно. Сколько я должен вымучивать себя, чтобы знать так, как Таранцов Борис. Ну, трудности... Неужели я не в силах с ними бороться?

Библиотека сейчас не работает, Фекла Егоровна в отпуске. Мне нужно просмотреть все прошлогодние журналы и отобрать статьи о творчестве Горького, Шолохова, Фадеева и других советских мастеров слова; нужно понять, сравнить, отобрать нужное. Перечитать статьи Белинского о Пушкине, Лермонтове и др. Необходимо изучить историю, русский язык и литературу Запада. Много, много работать.

04.09.57 г. Вторник.

Прочитал первую половину Гарегина Севунца «Тегеран». Очень понравилась. Нужно быть очень хорошо осведомленным, чтобы так просто и понятно рассказать нам, читателям, обо всех махинациях Англии и США, чтобы полностью увидеть все то, что творилось в то трудное предвоенное время в Иране. А сейчас? Разве не то же самое происходит там сейчас? Я чувствую, что далеко отстал от политики, нужно почаще просматривать газеты. <...>

Не дает покоя мысль о поступлении. Нужно уже садиться за учебники, а я даже не собрал их.

Давно у меня появилась мысль написать небольшое письмо в «Комсомольскую правду» и рассказать о тех мытарствах, которые я претерпел из-за гитары. Ведь учатся где-либо, черт возьми. Конечно, поступив в музыкальное училище, невозможно просуществовать на 140 руб., но что делать?

Домой прихожу очень поздно, но это кончится с отъездом Раисы. Взял у нее вторую книгу «Тегерана».

05.09.57 г. Среда.

Встал поздно. Позавтракал и сразу сел за книгу Севунца.

В четыре часа пошел в центр, смотрел сказку «По щучьему велению» в постановке Воронежского театра кукол.

Старики с таким удивлением смотрели на представление, словно там, на сцене, увидели свою вторую молодость.

06.09.57 г. Четверг.

Статья о гитаре до сих пор не написана, а что я делаю сейчас, кроме чтения? Ничего совершенно. Встаю в 10, а то и в 12 часов, плохо завтракаю и сажусь читать. Вот и все.

В клубе готовимся к концерту, но я боюсь, что ничего не получится. Вот уже месяц прошел, как мы начали учить хоровые песни, а что толку? Участники не знают даже слов, а что же говорить о мелодии? А сольные песни и подобрать невозможно — баяниста нет, а на гитаре, самой обыкновенной, почти что глупо. Из клуба иду на самый конец села, провожаю Раису, а в три выхожу оттуда и иду на другой конец. Лежу, думаю и... ничего не делаю днем. Вот так и проходит жизнь. Скучно, однообразно. Жду 15 сентября, начну по-настоящему готовиться. Даже в дневник писать нечего. Скучно...

25.09.57 г. Среда.

Раиса уехала в понедельник, сегодня среда, а мне уже нестерпимо хочется ее увидеть. Да, странно устроена жизнь. Будучи в Новой Калитве, думал, что Нина — моя последняя любовь, а вот теперь — Раиса.

Не увижу ее три года, много воды утечет, я стану совсем другим, да и она изменится или выйдет замуж. Вот пример с Ниной. Ведь как я уверял друзей своих в ее постоянстве, а что получилось? Неужели и она поступит так?

«Когда ты был в Калитве, я почти ни о чем не думала, а теперь все наши отношения я вижу совсем по-другому», — так писала она в своем письме. Так точно, может быть, и Раиса. Была здесь, встречалась со мной, думала обо мне, а как только приедет на новое место жительства, узнает людей, появится и новое чувство. Обвинить ее — все равно, что заставить женщину бриться. Впрочем, в наш странный век можно от девушек ожидать и это: ведь многие уже носят по-мужски чуб, так кто знает, может, вскоре и бриться будут каждую субботу.

Скучно. Днем читал, играл кое-что на гитаре, написал письмо Кривобородову Сашке, сходил два раза к Василию Звягину. К вечеру на юго-востоке стали собираться тучи, и пошел дождь.

Василий переживает и нервничает, мне все равно — знаю, в клубе меня никто не ждет...

За книги еще не садился, их — нет. Сегодня написал письмо в Воронеж, чтобы выслали программу. Читать не хочется, появилось глупое и смешное желание: сразу запоминать все прочитанное, а человеческий мозг не приспособлен к этому.

Теперь нужно приучить себя аккуратно и ежедневно вести дневник, постараться до понедельника достать нужные книги и приниматься за работу. К черту это безделье и хождение по изученному; тогда и скуки не будет. Время надо уметь ценить, как ценили его все, у кого я хочу учиться.

«В жизни бойся промедленья,

Жизнь отдай одним трудам!» — так говорил великий Гете.

26.09.57 г. Четверг.

Начинаю привыкать подниматься в 8 часов. Это не так трудно — ноги уже заметно стали длиннее.

Взялся за книгу Мельникова-Печерского «На горах», но читается плохо. Так и сквозит на каждой странице хвалебный гимн в честь купцов, будущей финансовой буржуазии. В каждой строчке чувствуется, что автор — апологет купечества. Не знаю, выдержу ли, прочитаю эту книгу до конца. А язык мне нравится, простой, сочный, и речь купцов, рабочего люда. Видно, хорошо он знал жизнь волжан и купечества.

В двенадцать пришел В. Кажется, я начинаю понимать его. Он хочет выгля-

деть настоящим критиком жизни нашей, так мне кажется, любит дискредитировать авторитет опытных людей и считает (как мне кажется) себя патриотом. Странно слышать от него рассказы о его путешествиях.

— А приволжские степи так изуродовали, что и не узнать, — важно говорит он.

Так и хочется задать ему вопрос, был ли он там раньше, или, может быть, у него так сильно развито воображение, что он видит за сотни километров! Новый Беркли!.. Здесь ему скучно, он не знает, как и куда «пропихнуть» время. А приехал из сибирской захолустной деревушки. Неужели там успела процвести цивилизация?

Он удивляет меня, но спорить и говорить с ним об этом не хочется. Я знаю, он начнет крякать, тереть большим пальцем верхнюю губу, словно проверяя, остались ли целы отпущенные усики. Интересно, что за странная манера людей выдавать себя не за того, кто ты есть на самом деле. Будь я девушкой, ну, тогда еще можно примириться, так ведь я такой же, как и он, черт возьми.

Интересно и его отношение к музыке. В ней он смыслит точно так, как моя бабушка в папиросах, но, услышав по радио первые аккорды оркестра, прищурит глаза, оттопырит вперед свои ослычьи уши, потом кашляет, и на лице его написано: «Знакомо». Значит, прав был Астанин, поставив в его аттестат тройку по русскому языку и литературе. Об этом я узнал совершенно случайно. А говорил, что в литературе, будучи в средней школе, разбирался так же просто, как в своем собственном кармане.

После его ухода сел за историю зарубежной литературы. Прочитал о Даниэле Дефо, Джонатане Свифте и остановился. Слишком утомительно разбираться в этих «измах». Стал снова читать «На горах», но совершенно неожиданно уснул. Было уже темно, когда я проснулся. Потянуло во двор. Взял с подоконника письмо, написанное в Азербайджан Чеченеву Ивану, и решил дойти до клуба. Ночь уже по-осеннему холодна, а звезды, кажется, стали крупнее. Воздух чистый и какой-то тяжелей, свободно ощущаешь, как он заходит в организм.

В клубе то же, что и вперед, и пять дней тому назад — шумно и скучно. Тоскливо врет гармошка грузинский фокстрот из кинофильма «Стрекоза», меланхолично кружатся пары по пыльному полу, на сцене громко по столу стучат игроки, и дымят в проходных дверях многочисленные курильщики. Посидел немножко с завклубом, а потом пошел домой.

Был уже двенадцатый час, но спать не хотелось, и я стал читать об английском сентиментализме.

27.09.57 г. Пятница.

В десять сел за «Историю зарубежной литературы XVIII века». Мне не так уж нужно прорабатывать этот материал, но у меня сейчас появилось страстное желание знать все. Когда-то в своем стихотворении я писал:

В руке б своей зажал тысячелетья
И без конца, без края бы смотрел,
Как на глазах меняются столетья...

Да, имел бы человек такое счастье.

В час пошел к В. Нарочно стал разговаривать о литературе. Заговорили о Бунине, а, следовательно, о натурализме, садизме.

— И сейчас еще встречаются в литературе психопатологические личности, — сказал я.

— Да, много бездарностей, — ответил он довольно внушительно. — В северных газетах печатают иногда такую пошлость, что уши вянут.

Нужно написать самой извращенной пошлостью, чтобы у него завяли уши. Да и сомневаюсь я, чтобы в газетах писали какую-либо пошлость — это я хорошо знаю на примере своей районной газеты.

Вплоть до вечера писал, потом решил пойти в клуб и взять у Плотникова Т. чернила, которые я ему заказывал забрать в Новой Калитве. Он, к сожалению, оставил пузырьки дома. Делать было нечего, и я взялся за «Крокодил». На глаза попала полубасня Эмиля Короткого. Мне она очень понравилась, потому что я давно придерживаюсь этого мнения, хотя был почти одинок в этом. Вот она.

Жираф влюбился в Черепаху,
В пыли ползущую неряху,
И в пыль уткнулся тот же час.
Его пример — другим наука:
Любовь — возвышенная штука,
Но часто принижает нас.

Моросил мелкий дождь, когда вышли из клуба. За мной увязался П. Клевцов и дошел до дома. Его интересовало ... стихотворение, которое написал сегодня, посвятив ему. <...>

Он прочитал, но, к сожалению, ничего не понял и, очевидно, разочаровавшись, быстро ушел домой.

Я решил прочитать Монтескье и кое-что написать в тетрадь Рае.

Во дворе — осенний дождь...

28.09.57 г. Суббота.

— Боже мой, это же напасть какая-то, — услышал я утром жалобу бабушки, — ночь шел и сейчас тоже, а коровы нет...

Было еще совсем рано. Я закурил, но вставать не стал — нет надобности. С понедельника начну заниматься. Дело в том, что я не знаю, какую историю учить: «Историю СССР» или «Новую историю»? По-моему, «Историю СССР», но ведь сейчас ежегодно меняется программа, вот и попробуй угадай. Слишком загружать себя, т.е. учить обе истории не хочется, а точно какую — не знаю.

Бориса тоже что-то нет. Сегодня из Калитвы приехал Анатолий и сказал, что видел его. Он работает в МТС и, очевидно, готовится. Что-то сейчас делает Плохих. Надо написать письмо.

Вечером смотрел кино «Челкаш» по одноименному рассказу Горького. В рассказе тема раскрыта значительно глубже...

01.10.57 г. Вторник.

Разбудили меня довольно рано и послали на огород убирать картофельную ботву. Мне не хотелось идти, но чтобы не раздражать свою мать, которая в последние дни ворчит каждое утро, я взял вилы и поспешно отправился к Дону.

Было прохладно, но ботва оказалась значительно тяжелей, чем я ее себе представлял, и скоро мне стало жарко.

Не успев я войти в комнату, как дверь со скрежетом открылась, и вслед за мной в комнату влетела запыхавшаяся мама.

— Собирайся, поедем...

— Куда? — спросил я, присаживаясь на краешек стула.

— Садись, садись... Тут бегаешь, а он...

Невольно пришлось собираться.

Оказывается, ей дали быков и разрешили привезти соломы.

— Куда ехать-то, — спросил я, уже окончательно примирившись со своим положением.

Мама промолчала, потому что так спрашивать у нас не разрешается. Спроси я: «Ехать-то сколь далеко?» — она ответила бы, но так — ни за что.

Я молча сел на арбу и тронул быков.

— Не туда, мы поедем на Оробинское поле.

Вот это да, черт возьми! Семь километров туда, там около двух часов и обратно ехать с возом трухи-соломы по такому ветру. Но вслух я не пробовал возражать, я был уверен, что мама сама поймет анекдотичность этой поездки. Ведь солома есть прямо за селом!

Она словно прочла мои мысли и сказала:

— Там-то солома с травкой и мелкая. И ветер откуда-то. Выпадет день, и вот тебе на — ветер.

Она говорила и говорила то ли с собой, то ли со мной, но я почти не слушал ее и смотрел на голые осенние поля, черные и неприветливые. Выехали на гору, и вдруг мама переменяла свое решение.

— Наберем соломы около богучарской дороги — такая же.

Я обрадовался, но внешне был такой же.

...Класть солому было трудно: она была слишком мелка, к тому же ветер не на шутку разыгрался и рвал клочья соломы во все стороны. Я ругался молча, мать не так зло, но вслух.

Интересны люди, рожденные до революции. (Прасковья Андреевна — 1915 года рождения. — *Т.Б.*) Они страшно выдержанны и почти все спокойны. Уверен, едва ли кто из нашей молодежи сумел бы с таким упорством вести быков по плохой ухабистой дороге. Воз все же оказался не таким уж маленьким, но гнет был сделан слишком плохо — я каждую минуту ожидал, что со следующим порывом ветра воз перевернется на какую-либо сторону.

Но мать, моя собственная мать, которая чуть-чуть разбирается в буквах, с таким упорством и ловкостью вела спешивших молодых быков, что мне пришлось только удивляться. Я видел, что ей тяжело все время удерживать быков, но сколько ни приставал переменить ее, получал отказ.

Но вот осталась позади гора, что особенно пугало меня, но воз, уже окончательно съехавший на одну сторону, продолжал медленно двигаться вперед, угрожающе колыхаясь. Я еле передвигал ногами, так медленно мы ехали, а впереди все время слышался ласковый голос матери:

— Тпру, тпру...

Мне, наконец, надоело это мучительное шествие, я не выдержал и сказал:

— Мама, хватит тебе тпрукать, ведь с горы-то съехали.

— Во-во, — насмешливо и поучительно начала она, обернувшись ко мне. — Вел бы ты, уже давно свалил бы. Тише едешь — дальше будешь. Лучше медленно, да вперед, вперед. А то поспешишь, а потом и не рад будешь: ковыряйся снова да нервы трать.

И она снова «затпрукала» на почувствовавших волю быков.

Да, люди, рожденные до революции, упрямы, завистливы и почти все работаги. В деревне — все, уверен в этом.

Вспомнилась кинокартина «Когда поют соловьи» и женщина-дойрка... Нет, не верю в существование таких лентяев. Пожилые женщины (та тоже выглядит старше моей матери) не могут быть такими. Их воспитывали совершенно не так, как воспитывают нас; с детства они ежедневно встречались с горем и нуждой, с поразительной завистью. В кино женщина «подрабатывала» самогоном, но это ни о чем не говорит в пользу автора. Знаю я и таких немало, они вовсе не лентяйки — о таких в народе говорят: «Прошла и Крым, и рым, и медные трубы».

Впрочем, это мое собственное мнение, и, может быть, автор по-своему прав. Я, например, часто бываю слишком мнителен. Учась в Новой Калитве и видя непонят-

ную улыбку на губах какой-нибудь красавицы, начинал упорно думать, что обо мне слышали что-либо дурное, хотя хорошо знал, что совершенно ни в чем не виноват.

Может быть, автор тоже любит отыскивать в людях самое что ни на есть мелкое, нехорошее. Это вполне возможно.

...Вечером ходил в клуб и сидел там до 11 часов — выбирал песни. Домой пришел к двенадцати, дочитал повесть В. Катаева «Жена» и лег спать, думая о прочитанном.

02.10.57 г. Среда.

Встал снова очень рано — привычка берет свое. Завтрак был уже готов, но кушать почему-то не хотелось, и я стал разучивать песенку В. Мурадели «Небывалая стройка». Она мне очень понравилась, в ней своеобразный народный мотив, бодрый и веселый. Эту песню будет петь Клевцова Валентина, у нее очень приятный голос, и песенка должна получиться. Правда, она немножко устарела, но за неимением другой, которая бы ей подошла, сойдет и эта.

Вскоре ко мне приехал Супрунов Виктор. Поздоровались сухо. Предложил ему сесть. Я не уважаю его за слабый язык, он у него словно у коровы хвост в жаркую пору. Стали разучивать «Жаворонка» Глинки. Мне не нравится его голос. Так поют уличные пьяницы, поют сухо, простуженными голосами. В предыдущем концерте он спел народную песню «Не слышно шуму городского», которая у него немножко получилась, и он, по-видимому, начинает думать, что у него хороший голос.

Мне страстно хочется протянуть на свою сцену что-либо классическое.

Как-то я шел от Раисы, было что-то около 11-ти часов, и на всех улицах еще слышались песни и смех, настоящий русский смех, громкий и непринужденный. Подходя к одному дому, я услышал старую мелодию «Она любит», сочиненную неизвестно кем в годы этой войны, и простые аккорды гитары. Подошел, остановился. Пела одна ученица, бывшая моя соклассница. Был здесь и Супрунов. Он совершенно спокойно подошел к девушке, приложив руку к струнам, потушил бедные звуки и обратился ко мне:

— Спой нам что-нибудь.

— Вот-вот, давно хочу послушать, как ты играешь.

Отказаться — это значит, пренебрегать компанией. Я взял гитару с большим бантом на шейке, сел на освобожденное место и перенастроил ее. Что им играть, народное? Заиграл «Самару», которую у нас понимают исключительно все, потом «Ямщика». У нас понимают только то, что знают. Потом, сыграв еще несколько народных песен, я закурил, и мне вдруг почему-то захотелось сыграть «Жаворонка». Проиграв две строчки припева, я тихо запел, уже не думая об их вкусах. Когда закончил петь, Виктор тронул меня за плечо и спросил, что это за песня.

— Это романс Глинки «Жаворонок».

— Выучишь?

— Было бы желание.

— Спой еще какой-нибудь романс.

Я спел «Свидание» Булахова, «Я встретил вас», «Разочарование» Варламова и собрался идти домой.

С тех пор Виктор каждый раз спрашивал меня в клубе, не написал ли я слов. И вот сегодня он приехал учиться. Это хорошо, я очень бы хотел, чтобы он спел, но получится ли? Постараюсь научить его. Может быть, и еще кому-либо понравится.

Прошло минут 15, пришел Звягин В., заспанный, но как всегда интеллигентно опрятный. Вслед за ним приехал Торшин Василий, которому скоро тоже идти в армию.

За час в комнате было так накурено, что бабушка, вошедшая со двора, осведомилась, не горит ли что? Сидели долго, потом два Василия ушли, и мы снова остались вдвоем с Виктором.

— Ну, на сегодня хватит, — решительно сказал он и снова стал закуривать. Дома никого не было, я думал, что уйдет и он, но ошибся. Мне хотелось быть одному, потому что я уже привык к этому. Это удивительно и странно. Долго сидеть со знакомыми мне людьми я не могу, мне все время хочется быть одному. Отчего это — не знаю. Будет в комнате мать или бабушка, я буду ходить во двор и обратно, но совершенно ничего не буду делать. Останусь один, свободно вздохну, закурю и тогда сажусь писать, читать — все, что угодно. Плохое свойство, но отучить себя уже не могу.

После обеда заболел живот, и мне пришлось около часа лежать на горячей печи. Многие мне советовали обратиться в больницу, особенно настаивал на этом секретарь районной газеты Яковлев. Я послушался. У меня взяли соки, но дальше дело так и не пошло. Сначала я перестал думать о своей болезни, так как начались страшные для меня экзамены, потом болезнь как-то неожиданно для меня самого прекратилась. Все лето я чувствовал себя прекрасно, и вот снова тревожит уже около двух недель.

Виктор, наконец, уехал, и я начал читать о творчестве Гете. Живот вдруг снова схватил меня, пришлось обратно забираться на печку.

Во дворе с самого утра шел неприятный дождь, вернее, не дождь, а мга, мельчайшая водянистая муть.

Было скучно лежать одному без дела, и я принялся читать газету. Со двора вошла бабушка и подала мне письмо от Болтова Петра. Письмо было мокрое и пахло дождем и сырыми листьями. Без труда можно было определить, что в письме фото, и я не ошибся. Уже второе фото прислал мне Петр, и два письма всего получил я от него. Значит, переписка начинает вроде налаживаться. Скоро еще прибавится два адресата: Раиса и Звягин Василий. Конечно, письма от первой придется получать очень и очень редко, а, может, и вовсе нет. Вспоминаю рассказ Ю. об их посещении и, глупый, начинаю верить.

В письме Петр просил больше писать о себе, что я и сделал. Написал два листа и, подписав конверт, отложил в сторону.

Вошел Звягин. Действительно ему скучно. Кушает, пьет, спит и ходит от дома до меня и обратно. Вечером идет в клуб, сидит до 10 часов и — домой. Я тоже почти ничего не делаю и боюсь, что совсем стану лентяем. Скорее надо доставать книги да садиться за учебу, иначе обреку себя на вечное сидение в этой норе.

Вечером собрались идти в клуб, но нескончаемый осенний тихий дождь распорядился по-своему. Пошли к Аносову Василию, посидели часа два, слушая его рассказы о военной службе, и собрались уходить.

Взял у него небольшую книжонку воронежского писателя П. Прудковского и воротился домой. А дождь все шел и шел, нескончаемый и нудный, как скука. Где-то сейчас Раиса... Что с ней, думает ли обо мне? И я тоже... Вот уже второй день не заглядываю в тетрадь, которую она мне оставила.

Осень, скучно: начинаешь жить книгами и воспоминаниями.

03.10.57 г. Четверг.

Корову, наконец, продали. В шесть часов вчетвером пили магарыч. Интерес — старые привычки и приметы остаются в силе. Мать дала покупателю бечевку, которая оказалась слишком короткой, и спросила, можно ли заменить. Мне было странно слышать его отказ. «Ведь вести ее совершенно невозможно», — думал я. Оказывается, если продавец возьмет вверенную сначала бечевку, значит, он «оставит» дома молоко. Странно и непонятно. Значит, пережитки живут.

День выдался на славу, и впервые на лицо стала надоедливо садиться паутина. Значит, кончилось «бабье лето», дождливое и скучное. Теперь начнутся утренние заморозки, а днем — тепло и солнечно. Вот такую осень я обожаю.

Завтра Василию уезжать, и я сказал своим, ушедшим в магазин родителям, чтобы они взяли пол-литру.

Весь день ничего не делал. Просто ходили от Василия ко мне, потом к Дону.

Как хороши наши места! Уже начинает желтеть лес на том берегу Дона, синее осеннее небо и грустная тишина. Трудно найти слова, чтобы описать осенний день. В такие дни мне почему-то вспоминается мое беззаботное детство, игры в прибрежных кустах, шумные драки. Воспоминания... Человек часто живет ими, потому что настоящее осмысливается только через несколько лет, и он точно так же будет вспоминать его, хотя кажется, что оно лишено привлекательности.

Выпили в четыре часа и пошли в центр. Пошел в библиотеку, но она оказалась закрытой. В библиотеке я приметил множество книг, которые нужно прочитать. Есть книга о жизни и деятельности Карла Маркса, Христофора Колумба, встретил книгу «Глиняные буквы», которую тоже нужно прочитать. Девчата обещали принести в клуб морфологию, литературу для 5 и 6 класса, немецкий язык за семилетнюю школу. Теперь нужно готовиться. Сейчас буду читать третий том В. Катаева «За власть Советов». Прочитал все пять томов, а потом начну читать вышеперечисленные книги.

Начинаем готовиться к концерту и будем выступать уже в новом клубе. Сегодня написал письмо Ивану Тарасовичу. Интересно, что же он напишет мне. Может быть, даже не даст ответа. Не может быть! А впрочем, время покажет.

04.10.57 г. Пятница.

Утром почему-то ничего не хочется делать. Проснулся позднее обычного, в 9 часов. Дома бабушки не было, но скоро пришла мама и стала возиться у печки. Я взял Катаева и стал читать «За власть Советов». Я уже видел кино, но оно совершенно выветрилось из памяти. Мне почему-то кажется, что киносценарий написан совершенно по-другому.

Днем стал учить песню о верном друге, но мелодия почему-то не запоминалась, и я бросил. Снова принялся читать, что вскоре тоже надоело. Мне чего-то не хватало, и долго я не мог понять, чего именно. Догадался как-то совершенно случайно. Сидел у окна и вдруг мне показалось, что кто-то прошел за окном, но я просто ошибся. «Василия-то нет, — подумал я, — ведь он бы уже пришел ко мне». Стало вдруг тоскливо на душе. Райсы нет вот уже вторую неделю, а кажется, что прошла целая вечность. Странно, ведь она мне просто нравилась, а вот сейчас не могу без нее. Значит, успел привыкнуть. А она? Не знаю. Быстрее бы прислала письмо. Что она мне напишет? Вспоминает ли она меня?

Вечером пошел в клуб на репетицию. Участников было почему-то мало, но они пели с огоньком, и это мне больше понравилось. Составили программу. Не знаю, выдержу ли я? Буду аккомпанировать Сергеевой Марии, Мих., Супрунову Виктору, Мещеряковой Марии, Клевцовой Валентине, Ларину Ивану Сергеевичу. Боюсь, что в новом клубе гитара совершенно не будет слышна. Хотя у нас зритель не такой уж требовательный, но я люблю, чтобы зритель всегда слышал и то, и другое.

Вчера еще появилась мысль писать рассказ «Старое повторилось», начатый мною в прошлом или даже позапрошлом году.

05.10.57 г. Суббота.

Значительно похолодало. Весь день шел дождь, но неожиданно перестал к вечеру. Приехавший из Калитвы Анатолий⁷ сообщил, что будет кино «Поединок». Этот фильм я уже смотрел три раза, но делать больше нечего, пришлось идти.

⁷ Двоюродный брат Белокрылова.

В интересное время мы живем. Вчера, впервые в истории человечества, был пущен искусственный спутник Земли у нас, в Советском Союзе. Все радиостанции мира слышат сигналы спутника.

Итак, 4 октября — начало новой эры, эры межпланетных пространств! Лет через 60–70 этот день будут вспоминать точно так, как вспоминаем мы сейчас изобретение радио. А я живу в эти дни!

06.10.57 г. Воскресенье.

В 10 часов утра я взял гитару и решил идти к В.П. Клевцову, чтобы репетировать с его дочерью песню Мурадели «Небывалая стройка». Но неожиданно меня остановил Звягин Василий. Странно, но он вернулся. Из Калитвы его привез на мотоцикле Соколов Виктор, все еще работающий в редакции. Пока Василий собирался, мы успели немножко поговорить.

Дела в редакции идут точно так же, как и год назад. Совещание селькоров, прошедшее весной этого года, почти не дало результатов. Мое выступление на литературных страницах также мало дало, а ведь меня поддержало большинство пишущих товарищей: Соколов В., работавший тогда завклубом в Гороховке учитель Старо-Калитвенской средней школы Ив. Пахомов, второй секретарь райкома партии, сейчас председатель колхоза имени Чапаева тов. Таранцов и мн[огие] др[угие]. Литературная страница была сделана, но, к сожалению, только одна. Сейчас ничего не слышно.

Виктор спутал все мои мысли. Сейчас в высшие учебные заведения будут принимать только стажистов, а я мечтал в том году поступать в Воронежский университет. Вот и мечта...

— Знаешь что, — сказал мне Виктор, — меня в ноябре заберут в армию. Поступай в редакцию, а потом на факультет журналистики после двухлетней работы...

Это было бы просто замечательно, но возьмут ли меня? Они предлагали мне еще после окончания средней школы, но я как-то отнекивался. Возьмут ли меня теперь? Середин и Яковлев (главный редактор и ответственный секретарь газеты «Красное знамя». — Т.Б.) хорошо ко мне относились. <...> Середин — редактор, но играет он незначительную роль. <...> Но где увидеть Яковлева? Сейчас он в Воронеже и в Калитву вернется только 16 или 17 этого месяца. Значит, мне самому нужно ехать в Калитву числа 18 или 19. Но под каким предлогом? Просто говорить о своем устройстве? Нет, это не надо. Так с чем же ехать?

— Напиши что-нибудь и приезжай, — сказал Виктор...

Вечером было кино «Неповторимая весна», которое мне очень понравилось. Удалось услышать звуки гитары. Вспомнилась Раиса, но на минуту. Было слишком хорошее настроение, и мы с Василием решили сходить на Миллионовку⁸. Меня там давно интересует одна девушка, которую зовут Шурой. Один раз, на весенних каникулах, я даже проводил ее, и она под большим давлением согласилась со мной встретиться, но потом школа, выступления в районе, редакция, Нина... И вот теперь она снова обратила на себя мое внимание. Она была так наивна и счастлива, что ее веселье передалось и мне. Но она боялась меня. Когда ее подружка хотела освободить место, чтобы я сел рядом с нею, она испуганно отодвинулась в сторону, и мне пришлось сидеть рядом с одной молодой женщиной с исцелованными губами и измятыми грудями.

Ребята молчали, и мне пришлось пустить в ход все, что так нравится нашим красавицам. Скоро вокруг меня образовался кружок. У всех — улыбки, открыты рты и уши, приготовившиеся слушать. Это меня спасало и от ветра, дувшего с юго-востока. Вскоре Василий ушел, и я еще больше пустил в ход свое красноре-

⁸ М и л л и о н о в к а — народное название микрорайона Дерезовки.

чие. Скоро замерз и я, девчата тоже стали нервно ерзать на месте, и Шурочка уже несколько раз дергала за рукав свою подружку, уговаривая идти домой.

— Ну, домой. Рано еще, — говорил я, хотя у самого тоже готов был скривиться рот и застучать зубы.

— Холодно ведь, замерзли, — сказала Шурочка.

— У меня тоже екает селезенка, как у старого мерина, — сказал я, — но ведь сию. И идти мне далеко.

Они засмеялись и снова приготовились слушать. Но для меня достаточно было уговорить их остаться, мне уже надоело мерзнуть, и я встал.

Дома был в час и заснул очень быстро.

07.10.57 г. Понедельник.

Дождь шел весь день, а ночью поднялась страшная буря. Дождь хлестал по стеклам окон, словно песком бил. До 11 часов читал роман В. Катаева «За власть Советов».

08.10.57 г. Вторник.

Утром проснулся с головной болью. До 11 часов читал, а потом стал думать, как устроиться работать в редакцию. Невольно вспомнилась моя калитвянская жизнь. Было и скучно, и весело. Но зато с какой радостью я всегда ожидал концерта в клубе, с каким трепетом заходил в редакцию, а споры... Вспоминается новогодний вечер в школе, улыбки, балльные белые платья, аплодисменты и — самое главное — жизнерадостная молодежь.

А здесь? Я думал, что буду готовиться в университет, но теперь это напрасно. Точно я не знаю, правда ли, что будут принимать после двухгодичной работы... Но ведь хороший пример — Таранцов Борис, мой соклассник и хороший друг. Притом литература — это моя жизнь, в газете я буду особенно хорошо работать, здесь я больше всего принесу пользы. Но как устроиться в редакцию? Что написать? И я решил написать корреспонденцию или о Чеченовой Валентине, или о Сергеевой Марии.

Вечером с Василием пошли в клуб, но быстро ушли домой.

Получил письмо от Москвитина Вл. Пришел ответ из Москвы: «...Сообщаем, что <...> для гитары сейчас ничего не имеем».

Вечером стал читать книгу Ирины Левченко «Повесть о военных годах».

09.10.57 г. Среда.

Становлюсь все больше и больше нелюдимым, а за последнее время — раздражительным.

Проснулся совершенно больным и днем окончательно слег в постель. Ночью потерял сознание.

11.12.57 г. Среда.

Восстановить в памяти этот месяц уже невозможно.

В редакцию мне удалось устроиться быстро, хотя с этим устройством связано несколько неприятных дней. Впрочем, ничего дурного с моей стороны не было, но... <...>

Первые дни я боялся ходить по редакции, говорить старался как можно тише — желание работать в газете побороло во мне всю мою гордость.

Странное дело: при поступлении я очень плохо думал об Иване Михайловиче, а Вл. Яковлева, наоборот, считал замечательным человеком. И хотя он сделал для меня очень много (кстати, своим устройством я полностью обязан ему), я потерял к нему уважение.

Первое мое знакомство с работой произошло следующим образом: мне нужно было съездить в Гороховку и взять материал о работе завклубом тов. Пахомова. Ехал на попутной машине. Пришел в правление колхоза, заговорил с колхозниками и сразу же посыпались жалобы на здешнее начальство, на торговлю в магазине. Признаться, я не знал, что мне делать. Все записывать не имело смысла, так как все это нужно было проверять, а времени у меня на это совершенно не было. Заинтересовал меня лишь рассказ колхозника Евдокимова о плохом отношении секретаря парторганизации тов. Гульманова. Зашел в комнату бухгалтерии. Там среди остальных работников были две молодых девушки, которых, как мне показалось, я где-то видел. Начинаю расспрашивать их о работе Пахомова. Рассказано много — записано все.

Вскоре сказанное ими подтвердилось: мне удалось встретить свою бывшую соклассницу Абрамову Валентину. Разыскал квартиру секретаря комсомольской организации, совершенно неожиданно встретил Плохих Виктора. Сказанное девчатами подтвердил и он. В Гороховке пришлось заночевать.

Утром следующего дня мне удалось уехать в Новую Калитву. Во взятом мной материале было много недостатков, но Середин остался мной очень доволен и впервые заговорил со мной о посторонних делах. А вечером Яковлев сказал мне, что «начальство тобой довольно».

Довольно трудно было с Н.

Помнится один вечер. Я пришел на квартиру к Анатолию, только что приехавшему из Дерезовки, и получил от него два письма — одно от Звягина Василия, второе — от Н.! Признаться, я уже перестал надеяться получить от нее ответ, и вот... это меня страшно обрадовало. Иду в редакцию (я проводил там дни и ночи, укладываясь спать, если не на стульях, то на столе), разрываю конверт и...

Привожу это письмо дословно:

«Комсомолец, здравствуй! А я думала, что ты напишешь мне письмо. Ты ждешь встречи со мной (из твоего письма). Почему ты не написал мне о том, как ты хватал А.Н. за грудки? Вот теперь мне хотелось бы увидеть тебя. Доказать... <...> Как чиста и прекрасна мелодия «На заре ты ее не буди...» Реши сам, каков ты ее исполнитель. Мне хочется, чтобы ты исправился. Ты умный. Зачем тебе ложь, болтовня? Будь искренним, хорошим человеком. Я желаю тебе только хорошего. Такая уж у меня душа. Не могу я человеку, который даже принес мне зло, желать плохого. В письмах ко мне ты пишешь (имитируется моя подпись). Ты еще в моей власти. Если это так, прислушайся к моему совету. Почему ты до сих пор не работаешь в редакции? До свидания, комсомолец...»

13.11.57 г. К сему (ропись)»

А вот второй клочок бумажки:

«P.S. Ты что, бросил писать? Ни одного твоего стихотворения не было в газете. Прошлый год ты лучше старался. Я пишу «в газете», ведь я могла прочитать только в газете. Не бросил ли ты писать о Лисицыне, о Наташе? А как с гитарой? Чем новым можешь похвастаться?»

«Лицом к лицу лица не увидать. / Большое видится на расстоянии...», — писал Есенин. Ну, хватит писать. Я и так тебе много написала. Но, Василий, тебе и надо все сразу говорить, а не тянуть постепенно. Так ведь?»

Мною овладело бешенство! Это письмо было написано в приливе отчаяния, все, что говорилось в нем, было ложью, то есть я ничего не делал, а этот грустный хлюпик А. ничего не заслуживал, кроме презрения. Но я почувствовал, что над моими чувствами висит страшный дамоклов меч. Что делать?

В одно мгновение я написал письмо, перепечатал его на машинке и, несмотря на глубокую ночь, побежал на почту почитать конверт. Яковлев смотрел на меня как на помешанного. Узнав, что всему причиной девушка, он рассмеялся, почти до ушей раскрыв свой вечно пахнущий гнилью рот, и назвал меня «идиотом». Своим присутствием он раздражал меня. К счастью, вскоре пришел Таранцов Борис, решивший переночевать со мной в редакции, и на душе у меня стало спокойнее. У него такая же история с Ларисой.

Утром письмо было передано Чеченеву В.И. О счастье — по пути в редакцию (завтракать я ходил к Анатолию) мне удалось увидеть и Н... Она смутилась и повернулась ко мне спиной. Храбрость, проходящая в письме красной нитью, видимо, покинула ее в эту минуту. Я позвал ее, и она приближалась ко мне очень медленно.

...Встретились мы с ней только через шесть дней, в субботу. С юго-запада дул неприятный сырой ветер, везде гололедица, а ноги у меня мокрые и страшно мерзнут. Остановились после долгих скитаний по обледенелым улицам у памятника в парке и начались объяснения. И странно... Я никак не ожидал, что мы так скоро помиримся.

(Впрочем, я кончаю писать: в ручке кончились чернила, а писать так много.)

Сначала она довольно настойчиво молчала, давая понять, что между нами все кончено, но где-то внутри своей души мне что-то говорило совсем другое. Ведь я ни в чем не виноват, она сама прислала то письмо, в котором говорила о разрыве. Попытался взять ее за рукав, но она резко отдернула руку и повернулась ко мне спиной. Так продолжалось значительно долго, но потом мне удалось убедить ее в своей правоте, и я почувствовал, что внутри она уже согласна со мной. Но разве может девушка из самолюбия признаться в этом? К концу вечера мы были прежними, и только непонятный осадок происшедшего не позволял нам по-настоящему почувствовать близость друг друга. Вторая и третья встречи были уже точно такими же, как и раньше, но мы понемножку ссорились. Мирились так же быстро, как и ссорились, но на доказательства уходила значительная часть времени. А оно так дорого. Первое — это холод, второе — она всегда спешит домой, в чем я ее, конечно, не обвиняю. Нагрузка для десятиклассников большая, к тому же ее постоянно преследует мать. Но, в общем, личные дела были устроены в течение трех встреч, а более подробно наши встречи я опишу позднее...

14.12.57 г. Суббота.

Утром приехал Середин и, как только вошел в комнату, стал рассказывать о тех ужасах, которые творятся в Верхне-Мамонской редакции. С Нового года они с Яковлевым хотят перебраться туда, а что будет со мной — не знаю.

Весь день делать, собственно, было нечего. Решил написать письма Болтову Петру, Москвитину Владимиру и Сашке. Последний почему-то перестал писать совершенно. Напротив меня сидит наш бухгалтер Дуся Г-а, и она мне страшно надоела. Я чувствую, что у них с С. произошел неприятный роман, окончившийся, по-видимому, их разоблачением, и они постоянно хотят уязвить друг друга, причем Г-а выражает свои чувства и мысли не иначе как слезами.

В четыре часа пошел в парикмахерскую, потом — в баню. Получилось очень здорово, нет только бутылочки, а была бы она очень кстати. Но, как говорится в народе, на нет и суда нет. Ужинать не стал — боялся опоздать в клуб. А погода была скверная. Я был уверен, что Нина не придет сегодня.

Когда я пришел в клуб, там никого не оказалось, и пришлось идти на сцену. Меня встретил Бочаров и мгновенно пристал с вопросом, что я буду петь завтра. Мне не хотелось, но что-то надо было отвечать, и я сказал, что исполню то, что

можно. Решили — «Когда поет далекий друг». В клуб постепенно стали собираться девчата, и скоро я заметил Нину. Она пришла!..

Долго пришлось ходить по Центральной улице, пока народу стало меньше, потом зашли на крыльцо аптеки и простояли там до одиннадцати часов. Она спешила домой, во-первых, потому, что не могла быть дольше по семейным обстоятельствам, во-вторых, потому, что замерзли ноги. Идти было плохо. Дул ветер, сырой и холодный, под ногами бурлило и хлопало, сплошной лед заставлял быть постоянно напряженным. Постояли немного около ее дома и разошлись в разные стороны.

Скверная погода, а еще зима.

15.12.57 г. Воскресенье.

День выборов... Сколько приготовлений, мучений тем, кто считает списки избирателей. Сколько телефонных звонков из района в села нашего района, из редакции, из исполкома, ВЛКСМ, а наступит этот день, и все идет как обычно.

Все утро моя хозяйка разговаривала со своей дочерью, которая посещает ее каждое воскресенье, а я притворно спал, чтобы не мешать их беседе. Наконец, они ушли, и я стал собираться. Что делать, куда идти? Поиграл немного на гитаре, потом решил идти в редакцию — перепечатывать на машинке рассказ «Возмездие».

Около школы — толпа празднично одетых людей. Прошел мимо. По дороге нагнал троих знакомых мне ребят, постоял немного с ними и отправился дальше. Ключа ни одного не оказалось, пришлось идти к Яковлеву. Он спал и наотрез отказался давать мне ключ.

— Машинку гробить, — бормотал он сквозь сон. — Не понимаю, что за дурацкое удовольствие.

Посидел немного и удалился. Зашел в школу, бросил в урну четверо сложенный листок и решительно направился на квартиру.

Было нестерпимо скучно. Из окна моей комнаты хорошо виден дом, где живет Нина. Я стоял и смотрел в ту сторону, будто ждал, что вот-вот взгляд мой проникнет сквозь стены, и я увижу ее или в постели, или за столом.

...Вспоминаются выходные дни прошлого года. Встаю поздно, Нина уже встала, убрала в комнате и что-то читает или вышивает. Я умываюсь, подхожу к ней, и мы начинаем по-детски шалить... Как незаметно пролетало воскресенье. Помню, она всегда была в ситцевом платице, с красным горошком по полю, и в валенках на босую ногу. Платице было ей коротко, и как только она двигалась по комнате или нагибалась — обнажались ее колени. Она стыдливо отворачивалась в сторону и усердно одергивала платице рукой, а я смотрел и улыбался. Она сердилась, говорила: «Ой-ой...» и капризно надувала губки. Милое, далекое время!.. Скверная у людей привычка — не ценить настоящего!..

16.12.57 г. Понедельник.

Утром — приятный морозец, градусов эдак на 12. Я хорошо себя чувствую в такие дни. Хотя мерзнут уши, но зато как легко дышится, сколько энергии...

Когда я пришел, в редакции царило оживление. Володька собирался ехать в Старую Калитву, я решил ехать вместе с ним, чтобы освободиться от Середины. Его спокойно можно назвать «бесполезным мотором», он постоянно суетится, нас также без дела гоняет из угла в угол, а все идет прежним темпом. Останься я с ним вдвоем, он меня окончательно загоняет. Вскоре к редакции подъехала грузовая автомашина, мы быстро оделись, и вдвоем решили сесть в кабину. Шофер, к счастью, был согласен, но зато дверца решительно не хотела закрываться.

— Будешь падать — кричи громче, — посоветовал мне Яковлев, и мы тронулись.

В правлении колхоза им. Чапаева были только работники бухгалтерии, и нам нужно было ожидать порядочное время, чтобы при помощи какого-то Федоренко попасть на МТФ. Но он, по-видимому, не желал явиться собственной персоной, и мы решили его найти. Володька поругивался, потому что было довольно прохладно. Наконец, нам удалось поймать зоотехника. Это был щуплый мужичонка, одетый в большую шубу. Он отвернул воротник и держал его одной рукой (вторая была протезная).

— Что это с вами? — поздоровавшись, спросил мой шеф.

— Ангина, ангина проклятая, — проговорил тот, словно оправдываясь.

На МТФ попали часа через два. Обогреться зашли в маленький кабинет счетовода. Женщина, сидевшая за столом, была так массивна, что я по простоте душевной чересчур засмотрелся на нее, что она смутилась и постаралась побыстрее воткнуться взглядом в какую-то книгу.

Не буду подробно описывать весь день. Скажу о молодежи. Общежитие и все остальное сделано весьма добротнo, но в другом отношении там нехорошо. Я не хочу грешить против истины и скажу без преувеличений, что это колхозное «заведение» — добровольный дом терпимости.

В Новую Калитву прибыли в пять часов. У меня сегодня политкружок, а я совершенно не готовился. Звоню Печеневскому и объясняю все подробно.

— Мне в 8 часов принимать ТАССовский материал, — безбожно вру я секретарю организации. — Сейчас я только что вернулся, замерз, как цуцик, и ничего не готовил.

В 8 часов встретил Нину, которая была в школе на репетиции драмкружка. Впервые заговорил с ней как с будущей женой. Что же будет?

18.12.57 г. Среда.

Погода стоит прекрасная вот уже третий день. Жаль только, что нет снега, было бы превосходно. Утром пришел в редакцию инспектор пожарной охраны Мих. Кузнецов и принес нескончаемую статью о противопожарной охране. Эта личность очень важная и тактичная, хотя он мало чем отличается от моей бабушки, которая так же, как и он, боится и не любит пожаров.

Когда я сел в кресло Середина, на столе под стеклом увидел письмо, начинающееся словами: «Дорогой «Крокодил». Это Володька написал о электрическом свете в Новой Калитве, получилось письмо очень умное и едкое. Вообще, ему удается сатирический жанр.

В этот день мне было много телефонных звонков. Сначала позвонил секретарь комсомольской организации Николай Печеневский и сказал, что сегодня бюро в райкоме комсомола, на котором будет обсуждаться вопрос об утверждении меня пропагандистом.

Потом позвонил Борис Сидельников и тоже предупредил об этом.

День прошел быстро. Было пять часов, я собрался уже идти домой, но неожиданно раздался звонок, и Середин протянул мне трубку. Снова Печеневский:

— Василий, в шесть часов заседание комитета в здании райисполкома, приходи обязательно.

В восемь часов ко мне должна зайти Нина. Она возьмет прочитать «Воспоминание», и, конечно, мы немного побродим по Калитве. И вдруг этот комитет.

— Он скоро окончится? — спрашиваю.

— Конечно, часов в семь примерно, — отвечивал мне мой вожак.

Это меня устраивает, я обещаю прийти, а пока есть свободное время, начинаю читать 1 том Лермонтова. Сегодня я получил 60 руб. гонорара и купил себе три

книги: два тома Лермонтова и статьи о литературе Анатолия Васильевича Луначарского.

На комитет были приглашены: работница Госбанка, моторист Сереженко из редакции и Ив. Савенков, электротехник «Заготзерно». Их отчитывали за неявку на политзанятия. Политзанятия решили проводить не в понедельник, а во вторник, так как в понедельник мне часто приходится уезжать в командировку.

В полвосьмого я был уже в редакции. Скоро и восемь часов, а Нины все нет. И неожиданно пришел в редакцию Середин, жена которого мне очень напоминает няню Настю. Она ко мне очень добра почему-то, и я обожаю ее за сердечность и теплоту. Заговорили о «Закутившейся звезде», повести, которая печатается в «Комсомольской правде».

Слушал я плохо. Я был уверен, что Нина, увидев в окно массу людей, побоится зайти в редакцию. Так оно и случилось. Было уже восемь часов, а ее все не было. Выхожу во двор и становлюсь так, чтобы хорошо видна была дорога.

Скоро из темной улицы, ведущей к Дону, послышался свист, и я отправился на этот звук. Да, это была она... Весь вечер говорил ей о неправильном поведении. Она согласилась со мной и чуть не заплакала, когда я сделал ей упрек, вспомнив несколько строк из ее письма ко мне. В такие минуты мне ее очень жалко, но и нельзя молчать, чувствуя несправедливость ко мне.

19.12.57 г. Четверг.

Все утро сидел без дела. На обед ушел раньше обычного. Нашел рассказ о случае на охоте и написал несколько листов заново. Перепечатал на машинке. Середину понравился, но требует, чтобы был интересный сюжет. Яковлев сказал, что можно будет отсылать в «Подъём», если дальше будет так же, как и сначала. Написал корреспонденцию в «Коммуну» об одном охотнике.

31.12.57 г. Вторник.

В моей жизни пока еще не было такого Нового года. На дорогах — сплошное месиво, идет нудный дождь. Я сижу за столом в редакции и думаю почему-то о том, как Нина будет идти в школу на новогодний бал. Вспомнился прошлый год. Настроение у работников печальное. Иван Михайлович тоже сердится. Еще бы, такая невыносимая погода. А у меня прекрасное настроение. Идти мне совершенно некуда, веселиться нет причины. С газетой не ладится. Множество ошибок, по видимому, потому, что наборщики уже думают о праздничном столе.

...Одиннадцать часов ночи. Грязь, но, кажется, стало подмораживать. Несколько раз выхожу во двор, но Нины все нет. Выхожу еще раз и вдруг увидел ее сразу. Кашлянул, услышал ответ, и мы пошли друг к другу.

Ушли домой в три часа. В редакцию заходил Середин, но был пьян и не заметил, что в редакции кто-то есть чужой.

Дома у меня спали две какие-то девушки. Это были, как я узнал на второй день, представители Старой Калитвы. Одна из них оказалась той, о которой Таранцов Борис мне очень много рассказывал.

30.03.58 г. Воскресенье.

Время, время... оно вот как эта папироса, что я держу в руках: забудешь о ней — она погаснет. Давно ли была осень, желтые листья падали на дорогу, и так грустно было лунными ночами ложиться спать. А сейчас уже конец марта. Прошла и осень, и зима, весна уже проплыла вниз по Дону вместе со взломанным льдом. Жизнь идет быстро, незаметно...

Работа в газете уже наполовину изуродовала меня. Она научила меня быть хозяином своих слов и умным дельцом и отняла у меня самое дорогое — мечту. Про-

шло то время, когда я жил надеждами на что-то радостное, никому неведомое. Теперь я вижу, что люди почти все одинаковые, только одни умеют лучше говорить и извлекать пользу, а другие живут только сердцем. Рассудок у них не занят тем, чтобы быть на хорошем счету у сильных мира сего, они больше думают о сене, чем о том, как говорить с секретарем райкома. Как все смешно. Книги, кино... Люди выдумывают все это, чтобы заглушить в себе совесть, и заставляют себя думать: «А может, где-либо есть это?»

07.06.58 г. Суббота.

Медленно и спокойно, как на небе тучи в безветренный день, течет моя жизнь. Она порой пугает меня, и я с испугом шарахаюсь в сторону, делая оплошность за оплошностью. Порой она благоволит ко мне, и тогда я счастлив.

Проходят дни, недели года, так же пройдут и годы, и останется в груди какой-то тяжелый осадок прожитого, который будет вызывать воспоминания, тяжелые или радостные, а может быть, заставит пожалеть об этом прошлом. Уж так устроен человек: он всегда остается спокойным к настоящему, окружающее лишь иногда вызывает радость его или осуждение, но это проходит быстро и бесповоротно, а прошлое всегда нам кажется прекрасным и величественным. И только потому, что этого прошлого уже давно нет.

Странно писать сейчас о том, что знал я и чувствовал шесть-семь лет назад: о слабости говорить не хочется. Буду писать о своем настоящем, оно по праву принадлежит мне и Нине.

Нина... Что-то не понимаю я себя в последнее время, и об этом хочется поговорить на страницах своего дневника. Авось когда-нибудь с интересом прочту эти строки. Что они вызовут в груди моей — гнев или радость? Это будет ответ на мое настоящее, которое еще где-то далеко впереди.

Итак, скоро я распрощаюсь со своей молодостью. Да, я женюсь. Правильно это или нет — не знаю. У меня так складывалась жизнь: что-либо получится мгновенно, а потом я хватаюсь за это и живу, обдумывая каждый шаг. Что-то похожее случилось и с женитьбой, но я не только не виню кого бы то ни было, я даже рад так сложившимся обстоятельствам.

Попробую описать здесь все и подробно, с теми деталями и разговором, который помню и сейчас.

...Была зима, но она больше напоминала раннюю весну — это впечатление тем более усиливалось еще и потому, что по ночам вместо обычных звездных морозцев вовсю звенели ручьи, а днем с крыш падало прямо по-вешнему. Мои отношения с Ниной к этому времени так укрепились, что я без боязни считал ее уже своей, хотя не было ни малейших разговоров о женитьбе. Но ближайший месяц разрушил все мои планы на будущее. Наступил март — первый месяц весны, но в природе не чувствовалось ничего нового: всю зиму было дождливо и грязно. Приближался женский день 8 Марта. В этот злополучный для нас вечер мы с Ниной оказались на одной многолюдной вечеринке, которая, к несчастью для нас, стала известна всей Калитве и наделала много шума. Кто-то заявил в РК ВЛКСМ, затем в школу, и Нину решили исключить. Об этом узнала мать Нины и пришла к Шевченко, моему шефу, и стала настойчиво просить, чтобы он помог нашему разъединению. На сегодняшний день он имел со мной разговор, для меня, конечно, неприятный, и посоветовал по-хорошему — забыть Нину. Я с ним согласился, что все получилось нехорошо, но порвать с ней не намерен при всем старании всех редакторов, директоров и других организаций. Говорил я ему, правда, не в таком уж обидном тоне, но внутреннее мое возмущение ему было понятно, и в нем, очевидно, заговорили чисто родительские чувства — он имеет точно такую же дочку. Тем бы все и кончилось, но через несколько дней я получил от Нины письмо, в

котором она просила прийти к ним и поговорить с матерью. Я долго думал и решил...

Так вот решилась судьба моя и Нины. Осенью думаю сыграть свадьбу и начну жить с молодой женой. Жизнь вдвоем я еще совершенно не чувствую и не представляю, но она меня почему-то нисколько не пугает, хотя многие утверждают, что я буду жалеть. Может быть — не знаю...

11.06.58 г. Среда.

Утро серое, холодное. Дон рябится от ветра, и по спине, когда смотришь на мутно-зеленоватую поверхность реки, пробегает неприятная дрожь. Кругом пышная зелень, но даже жирной траве в нашем дворе нужно тепло и солнце. Пять дней кряду шел дождь, бесконечный и мелкий, и все зеленое на земле так наполнилось этой целебной небесной влагой, что даже захлебывалось от нее и жаждало солнца, света... А на небе тучи, тучи, бесформенные, лохматые и водянистые.

На работу идти не хочется. В клубе, где я теперь работаю массовиком⁹, всегда темнота и сырость, как в недавно отстроенном подвале. Солнце заглядывает туда только в конце дня, а потом снова — темнота и сырость. С 9-ти часов начинается мой рабочий день. Худрук Орлянский всегда приходит раньше моего и что-либо играет. Потом приходит Жеенька Боград, и мы садимся играть. Изредка начинаем что-либо рассказывать друг другу, часто я читаю. В начале первого уходим на обед и собираемся вновь к полпятому. Так проходят дни в их непонятном чередовании, мы ничего не делаем, понемножку тупеем и становимся ленивее с каждым днем. Это меня пугает, но...

В наши обязанности входит еще и бесконечное хождение по организациям, где мы отыскиваем своих хористов и предупреждаем, что сегодня будет хор. Это страшно надоело, работа неощутима, и мне кажется, что я хожу по темным зданиям клуба по чьей-то непонятной для меня милости. Так идет жизнь.

Вечером на последний трояк купил билет в кино — «Повесть о бедных влюбленных». Я не знал, придет Нина или нет, но билет взял. Вечерами иногда разговариваю с Иваном Тарасовичем, моим бывшим учителем физики, и это приятное новшество несколько развлекает меня. Ему более тридцати пяти лет. Хочет жениться, но не найдет хорошую девушку. Старой, понятно, не хочется, а молодые, конечно, не идут.

— Дамоклов меч, который висит над вашей головой, ежемесячно увеличивается в размерах, — сказал я ему вчера.

Он кивнул головой и так тоскливо окинул взглядом толпу, стоявшую у дверей клуба, что мне стало его искренне жалко. Хороший он человек, но в его внешности нет ничего, что могло бы заинтересовать любую девчонку, разве только то, что смотрит не в душу, а в карман... В нем нет ничего отталкивающего, но и притягательного. Он плохо сложен, мал ростом, черты лица слишком крупны для его мелкой фигуры, и уже начинает лысеть. Одевается опрятно, хотя и просто, голос доверчивый и нежный, а иногда грубый по притворности. Так он говорит с учениками, которые нравятся ему.

Говорим мы с ним почти каждый вечер и почти всегда об одном и том же: о его капризном положении, о литературе и жизни. Эти разговоры нравятся нам, особенно мне. О жизни и литературе я могу говорить без конца.

Кино мне понравилось. Жизнь итальянского провинциального городка чем-то мне хорошо знакома. Правда, там хозяйничали молодые фашисты, там меньше простоты и зелени, чем в нашей Калитве, но люди чем-то схожи, да и жизнь — тоже.

⁹ В редакции райгазеты произошло сокращение кадров.

Когда шел от Нины, встретился с неизвестным мне человеком и простоял до четырех часов. Он весьма любопытен. Сказал, что приехал из Россоши искать работу, женат, вот и все. Почему-то он возбудил во мне подозрение.

12.06.58 г. Среда.

Иногда человеку, пускай даже с меланхолическим укладом характера, хочется острых ощущений. Я не считаю себя меланхоликом, но вот уже год, как я стал дряблым в чувствах, утерю присущую мне раньше живость и остроту характера. Слишком серьезно и недоверчиво меня встретила школа жизни. Я был философом, но никак не практиком, а первые шаги моей самостоятельной жизни заставили меня сомневаться в самом себе и трезво смотреть на вещи. Это, наверное, и сделало меня таким, какой я есть сейчас.

Репетиция хора не состоялась, Иван Иванович согласился закрыть клуб, и я отправился к Нине. Она читала книгу и испугалась, когда, обернувшись на шум шагов, увидела меня.

После ужина я взял гитару, и мы отправились на кручу. Спели несколько песен, и мне вдруг стало досадно, что Нина грустна, к тому же еще в комнате я увидел слезы на ее глазах.

— Что с тобой?

Она молчала.

— Не пойму я тебя. Слишком ты серьезна. Нет в тебе живительного веселья, тебе словно тридцать лет и ты окончательно придавлена жизнью...

13.06.58 г. Пятница.

Плохие новости. Сегодня я весь день был занят обдумыванием услышанного. Посидев в клубе и не имея с собой ни папирос, ни спичек, я пошел в редакцию. Встретил по дороге Николая Иващенко и Орлянского. Закурил, потом с Николаем пошли в редакцию. Володька сидел за машинкой и писал какую-то статью.

— Плохие известия, — сказал он вместо приветствия.

Я сразу почувствовал, что это связано со мной. Вошли в кабинет редактора, и он изложил мне суть дела. По его словам, из обкома звонил Семин и сказал, чтобы повременили с литсотрудником.

— Скоро будет выпуск Воронежского университета, и может случиться, что кого-либо из выпускников пошлют в Новую Калитву.

— Что же делать? — спросил я Володьку.

— Посоветуйся с Варварой Яковлевной, она умная и хитрая баба.

Варвара Яковлевна Боград, начальник районного отдела культуры, за свою жизнь переменила несколько специальностей. Жизнь она знает как никто другой и умеет в любых отношениях выходить из положения...

Ночью пошел дождь. Нина, как всегда, встретила меня с большой радостью. Я был голодный и злой. Долго сидел молча, затем кратко рассказал ей об услышанном. Это ее, очевидно, ничуть не тронуло. Обижаться? Не стоит. Она ведь совсем еще девочка, ей нужны ласки, нежные слова, она хочет верить в мою любовь, и всей душой тянется ко мне, как цветы к солнцу.

У каждого из нас есть свое счастье, маленькое или большое, смотря по тому, как человек относится к нему. Зачем же винить ее в незнании жизни, к чему сердиться на нее за чистоту и искренность. Пусть чаще радость живет с ней, может быть, от этого и я буду счастлив.

Дождь шел не переставая. Где-то в стороне была большая гроза — небо то и дело светилось и урчало. Идти домой не хотелось, и я решил заночевать здесь.

Нина вскоре ушла, я разделся и лег. Ветерок, залетавший в мою «комнату», осежал меня и держал в повиновении комаров. Заснул быстро...

15.06.58 г. Воскресенье.

Погода как будто установилась, но это только на первый взгляд. С обеда вновь стали собираться тучи, и к вечеру снова пошел дождь. В клуб я не пошел и остался в доме Нины. Мать была не в духе, и причиной этого было, очевидно, мое посещение. Какова причина ее ненависти ко мне — я не могу понять. Впрочем, хуже для нее. Уже сейчас она начинает кусать ту руку, которая в будущем будет кормить ее.

Домой пришел очень поздно.

16.06.58 г. Понедельник.

Проснулся и сразу же увидел заплаканные окна своей комнатухи. Всю ночь, не переставая, шел дождь, утром тоже. Сегодня весь день не кушал, потому что просидел в клубе, ожидая приезда лектора обкома партии.

После лекции пошел к Нине и сразу же почувствовал, что у них что-то произошло. Рассказанное ей было так чудовищно и дико, что я решил написать обо всем этом. Что получится — не знаю, но буду писать. Это будет первое, что я напишу. Написанное явится итогом всей моей работы над собой, экзаменом всех моих знаний и выдержки. А что в статье буду фигурировать и я — это уж не так страшно.

17.06.58 г. Вторник.

Странное это чувство — неудовлетворенность. Внешне сумрачный, всем своим знакомым кажешься недовольным чем-то, в душе происходит что-то непонятное. Вот и сейчас: «странно», «в душе» — какие старые, всем понятные слова... Так и в поэзии. Хочется сказать о самом обыкновенном как-то просто и ново. Это новое. Все мы, начинающие поэты, ищем что-то очень новое, и стареем в своих суждениях о самых обыденных вещах.

Живу надеждой на завтра, страстно хочу что-то писать и знаю, что не начну ничего. Что делать?

А Нина? Она обижается, думает, что я начинаю забывать ее. Не знаю...

* * *

04.03.59 г. Среда.

На обед пошел раньше обычного, не было еще и часа. Чтобы успокоить редактора¹⁰, я сказал, что иду раньше, потому что много писать.

Нина чувствовала себя плохо, через каждые 15–20 минут ее брали схватки. Она не говорила мне об этом, но по лицу и ее движениям можно было догадаться, что ей нездоровится. Немного погодя, она мне сказала об этом сама и попросила позвонить в больницу. Я пошел на хлебоприемный пункт, сказал теще, что Нина больна. В больницу дозвониться так и не смогли, и я побежал в редакцию. Через несколько минут мы подъехали к дому на стареньком ГАЗ-67. Нина уже стояла на крыльце.

— Идти мне с тобой? — спросил я жену, когда машина остановилась у ворот больницы.

— Нет. Я сама. Ожидайте меня.

Мы остались с шофером. Я свободно вздохнул и закурил. Через несколько минут Нина в сопровождении сестры или акушерки прошла по больничному двору в противоположное здание. А немного погодя, на крыльце показалась та же сестра и что-то непонятно крикнула. Я вышел из машины и спросил, в чем дело.

¹⁰ Белокрылов снова работал в редакции.

— Домой езжайте, — последовал ответ.

— А она?

— У нее уже наполовину роды, а вы только спохватились.

Я опешил.

— Что же делать, — топтался я около машины. — Может, ей что нужно?

— Нет-нет, ничего. Езжайте домой, — ответила сестра.

Вернулся в редакцию. Володька с редактором стали подробно расспрашивать меня обо всем. Я отвечал невпопад.

— Ну, садись, садись же, папаша...

Секретарь насильно усадил меня в старенькое кресло, засмеялся, затем поднялся в мою сторону и сказал:

— Представляешь, Васька: через некоторое время у тебя будет живое существо, сделанное тобой, созданное по твоему образу.

Все это я представлял, но не так уж ясно.

В редакции не сиделось. Пришел домой, помог теще напилить дров, потом поколот их и зашел к директору хлебопункта тов. Паневину. Он потел над каким-то приказом. Это никак не вязалось с моим настроением, и я ушел.

— В кино-то пойдешь? — спросил меня директор.

— А какое?

— «Иван Бровкин на целине».

— Не знаю.

Теща посоветовала идти.

— Ну, Василий, дочь у тебя будет, — говорила жена директора, свиноподобная Анна Ивановна.

Я возразил.

— Дочь, дочь, — уверенно повторила она. — По моим приметам, дочь...

У клуба было оживленно. Я купил билет и вышел во двор покурить.

Первые эпизоды Ивана Бровкина мне понравились. Вдруг хорошенькое лицо, принадлежащее молодой женщине, очутилось прямо напротив моего лица. Я вздрогнул от неожиданности.

— Поздравляю тебя с сыном, — услышал я шепот клубной кассирши.

— Спасибо... Когда?..

— Только что... Там мать...

Я вышел и сразу же увидел радостное лицо тещи. Со всех сторон на нас смотрели любопытные мордочки девушек и женщин.

По дороге я немножко злился на тещу, что она все время отстает, и мне приходится то и дело поджидать ее. Но вот и светящиеся окна роддома. Чувствую себя вроде спокойно. Подхожу к окну. Стукнул и сразу же увидел лицо жены, она была бледна, но улыбалась.

— Что? — спрашиваю кивком головы.

— Сашка!.. Черный, — радостно отвечает Нина.

Я почти не слышу ее голоса, но о значении слов догадываюсь по движению ее бледных губ. Теща наказывает Нине, как беречь груди и еще что-то. Наконец, к нам вышла сестра, принимавшая роды. Это Раиса Алексеевна Тишновская. Вручаю ей настойку черной смородины и снова бегу к окну.

Шли обратно веселые. Еще бы — роды прошли благополучно. В этот же вечер написал в Дерезовку матери. Сын, вес 2 кг 700 гр. Родился 4 марта 1959 года в 4 часа вечера. Нина назвала его Сашей — по давнишней совместной договоренности. Написав письмо родителям, хотел приняться за статью о беспорядках на молочно-товарной ферме, но не смог и принялся читать книгу армянского писателя Ал. Ширванзаде «Замужняя». Замечательная вещь!..

05.03.59 г. Среда.

Неприятное сообщение: новорожденный очень слабый и не берет грудь. Об этом я узнал от тещи. Интересно, почему Нина мне не сказала об этом. Неужели боится встревожить меня? Сестры, ухаживающие за ней, также отвечают на мой вопрос по-разному. Одни говорят, что ребенок выживет, другие странно пожимают плечами.

— Будем стараться, чтобы выжил, — говорят они и виновато улыбаются.

А весна уже наступает. По улицам бегут небольшие ручейки, говорливые и мутные. Даже не верится, что весна окончательно победила вьюжную и злую зиму...

* * *

20.06.60 г. Понедельник.

Вот она, разлука с любимым человеком... Серьезный и рассудительный человек вновь берется за дневник. Он одинок, этот человек, он ложится спать, встает с постели и думает об одном: когда же, наконец, кончится одиночество?

Вчера я приехал в Верхний Мамон на моторной лодке. Меня провожали Саша, мать, бабушка, Анатолий. Сынишка целовал меня, смешно раскрывая маленький ротик, и долго махал пухленькой ручкой. Мать удерживала слезы, стоя на берегу... Вот первые хлопки мотора, вздрагивает лодка вместе с моим сердцем, за кормой булькает вода, и близкие люди уплывают назад вместе с зелеными берегами. А впереди речной простор, жаркое солнце, манящий прохладный лес, меловые придонские горы, поросшие березами и орешником...

Подъезжая к Мамону, успокоился. «Может быть, Нина там?» Смешная мысль...

О, Нина! Маленькая ты, хорошая и злая. Сколько страданий причинила ты мне за два года супружеской жизни!.. Так уж видно устроена эта жизнь — где радости, там и печали, огорчения.

...Я вошел во двор, ставший уже «своим», подошел к двери и сразу же на запыленном стекле увидел слово, начертанное маленькой рукой Нины. Слово это — «до свиданья». Зашел в комнату и увидел на столе блокнот. Прочитал один, второй раз и вспомнил ее последнее письмо из Острогожска. Как не похожи строки в блокноте на строчки в письме, хотя и написаны одной рукой. Что там с ней?..

[Вспоминаю] — первая ночь в пустой комнате. В ней ничего не изменилось, но все-таки это не та комната.

...На дворе зимняя ночь. От маленькой печки пышет теплом, я лежу в постели, отвернувшись к стене. Она хочет, чтобы было так. Глупая! Она боится, что я увижу ее нагую, разлюблю, потому что она худа. Как она обижала меня. А я не мог ей доказать, что она не права. Мы живем с ней два года, и она мне ни в чем не верит, она считает себя жертвой, живет со мной потому, что у нас сын, живет затем, что мы зарегистрированы... Я будто вижу ее спину, античные ноги, маленькие груди, я вижу ее стыдливое лицо — и чуть не вскакиваю с постели!.. <...> Проснулся в 4 часа, да так и не смог заснуть. Эта привычка выработалась дома: в это время бабушка приносила мне пахнущее парное молоко.

...В редакции все встретили меня с радостью, расспрашивали о здоровье, искренне советовали беречься и укоризненно качали головой, увидев в руках папиросу. Это отвлекло, на время заставило забыть об одиночестве. Как благодарен я коллективу, всем-всем, без исключения.

Вечером долго сидел во дворе со своим соседом по квартире, говорили о семейной жизни, о том, как важно иметь здоровье. Потом я пошел в парк, несколько раз прошелся по дорожкам с баянистом из клуба и ушел домой. Долго читал днев-

ник, потом выключил свет, но заснуть не мог. Мысли, мысли, тягучие и бесконечные, как разлука, разъединившая нас на целых шесть месяцев¹¹.

Перед вечером я сварил себе компот и благодарил себя за то, что не поленился.

21.06.60 г. Вторник.

Проснулся и вскочил с постели.

— Встал? — В комнату вошел редактор, закурил. — Думал, опоздал.

Я растерянно оглянулся по сторонам, словно прося прощения за свою наготу.

В чайной, кроме молочного супа и третьих блюд, диетического ничего не было. Хорошо хоть суп, но, в конце концов, не оказалось и его. Мне подали суп, заправленный салом. Хлебнул несколько ложек, выпил кисель и отправился домой. Благо, что в 10 часов покусал у Ивана Михайловича. Как трудно одному с опасной болезнью.

Купоносова бросила газету в чернила. Я взял ее и испачкал в нескольких местах рубашку. Пришлось идти домой за одеколоном. Его оставила Нина, оставила преднамеренно. По приезде она узнает, как я ухаживал за собой. Нина не любит, переживает, когда я часто смотрю в зеркало, причешиваюсь.

Как ни старались Купоносова и Петр Кириллович¹² оттирать одеколоном чернильные пятна, ничего не получилось. Тогда девчата принесли соды, каких-то порошков. И Купоносова, пользуясь, что не было тиснуто ни одной полосы, отнесла рубашку своей тете, попросив, чтобы выстирала. Не знаю, получится ли что-нибудь.

Из редакции ушел в половине шестого. Поужинал и вернулся домой. Снова начал читать дневник, потом вспомнил о написанном в прошлом году о моих отношениях с Ниной и решил перечитать. Решил, но... Тетради не нашел. Неужели ее взяла Нина? Человек нуждается в воспоминаниях, и особенно, когда ему трудно. Вспоминая, не забывает о настоящем, живет в самом начале зарождавшегося счастья. И пока тянется нить воспоминаний, человеку хорошо. Перерыв все книги, я не обнаружил тетради и вдруг наткнулся на письма, которые Нина получала от своих поклонников. Мне вспомнилось, как однажды она ответила на мой вопрос, зачем хранит она эти письма.

Вот ее слова:

— Ты эти письма не трогай... Они дороги мне.

Как резанули сердце эти слова. Помню, я промолчал и больше не возвращался к этому разговору. Вторично получилось то же самое. Это было уже здесь, в Мамоне. Я пересматривал свои книги, старые тетради и выбрасывал бумажное ненужное хламье. В руке оказались письма. Я видел, как испуганно и быстро Нина оказалась рядом со мной и проворно выхватила листки из моих рук. Почему они дороги ей?

Почему мне не жалко того, что ушло. Мне дорого ушедшее детство, ушедшая юность, ушедшие мечты, звавшие меня к новому, мечты, которые окрыляли, заставляли идти вперед. Да, это дорого. Но мне ничуть не жаль писем всех ушедших в прошлое отношений. В Дерезовке я хотел прочесть свои ранние дневники, где рассказывалось о моих многочисленных детских, школьных и полусерьезных юношеских увлечениях, и это мне показалось очень тягостным занятием. Я не прочитал и пяти листов, хотел порвать все тетради, но потом рассудил по-иному: в дневниках много говорится о природе, о нравах, есть эпизоды, которые еще могут пригодиться.

¹¹ Жена училась в Острогжске (скорее всего, в торговом училище).

¹² Петр Кириллович Шпилов, коллега по редакции, впоследствии Белокрылов посвятит ему роман «Жизнь как жизнь».

Почему же ей так дороги эти письма? Сейчас я вспоминаю, что она отвечала на все. А сколько я оставил писем, не ответив своим поклонницам, а они тоже были. <...>

Помню один наш разговор. Это было накануне нашей свадьбы.

— Почему женщины изменяют своим мужьям? — спросила Нина. — Я этого не могу понять.

Ответить на этот вопрос мне было трудно. Причин, толкающих мужчин и женщин к измене, много, очень много, но главной из них я считал и считаю ту, которая связана с воспоминаниями.

Дружит парень с хорошей девушкой. Они пока связаны чувствами, у них общее — ночь, временно желанья, и только. Он уходит в свой дом, она — в свой. Ложась в постель, они думают друг о друге, но уже в своей привычной обстановке, думают друг о друге так, как этому научила их среда, родители. И вот они поженились. Появились общие вещи, деньги. Появились общие дети. И, наконец, начали возникать мелкие домашние ссоры, иногда из-за пустяка, дразги, появилось самое страшное — Я... когда каждый из молодоженов считает правым только себя. Ничего этого во время их встреч не было. Он и она почти ежечасно вместе, они сидят за одним столом, спят в одной постели. Те слова, которые слушала подруга от своего дружка, когда он загорался страстью и был полон нежности, стали ему не нужны: он целует, он обнимает жену... жену, а не возлюбленную. Возникает ссора (они бывают в любой семье), и женщина начинает тяготиться. Ей кажется, что ее не любят, лишают ласки. Беда, если в это время появится третье лицо. У жены и третьего лица нет ничего общего. Он говорит ей нежности, он осуждает мужа, если женщина не скрывает своих семейных ссор, он жалеет, сочувствует ей и этим поощряет. Женщине это кажется если не новым, то давно ушедшим, и она сдаётся.

Это длинное и нудное рассуждение я пишу для того, чтобы объяснить самому себе... <...>

Проклятые письма заставили меня чуть не бегом выскочить из комнаты. Я взял билет на семичасовой сеанс. Картина «Эхо» мне понравилась. Это бывает в жизни. Такое может случиться и с Ниной. Но чем я ожесточил ее, чем? <...>

Неужели же после такой длинной разлуки начнется такая же жизнь? Не хочется думать об этом. Впереди у меня еще целая ночь, пустая комната, где каждая вещь напоминает о ней, и бессонница, потому что мысли не дают покоя.

Получу ли от нее письмо? Может, завтра?..

22.06.60 г. Среда.

Еще вечером я почувствовал непонятную, слабо ощутимую боль в груди. Это встревожило меня. Хотел быстрее заснуть, чтобы не чувствовать этой боли, забиться, но нет... <...>

Утром боль в груди была так сильна, что я не мог дышать. Обе бабки посоветовали мне выпить горячего сладкого молока, что я и сделал. И, действительно, боль утихла.

Сегодня почти до 12 часов нечего было делать. Материалы были вычитаны, макет составлен. Я решил сфотографироваться и фото выслать в Острогжск. Пусть Нина посмотрит, каким я стал после страшной операции¹³.

Начался внезапно дождь, тихий, пол-летнему крупный и продолжительный. Сфотографировавшись, пришел домой, лег на кровать и начал думать, как вызвать сюда Нину. Решил 15–17 июля выслать ей ложную телеграмму...

Еще в Дерезовке у меня появилось большое желание сделать ей хороший подарок. Долго думать о том, что купить, не пришлось. Часы...

¹³ Предположительно, эта была первая операция по резекции желудка.

Сейчас в магазине есть «Звезда». Как только получу от нее хорошее письмо, куплю и преподнесу ей в день приезда.

В чайной взял молочный суп, пару яиц и стакан киселя. Домой купил 10 яиц. Петр Кириллович принес мне воды, потом мы пошли к нему. Он чинил велосипед, а я сидел и дышал свежим воздухом. Его жена много спрашивала о Нине, говорила, что она красивая. Это я знаю и сам. Не случайно ее отсутствие не дает мне покоя. Письмо от нее сегодня не получил.

Домой пришел рано, прочитал воспоминания, которые обнаружил в книгах, и стал кипятить молоко. За этим занятием меня застал Михаил, мой дальний родственник. Он привез мне кувшин молока, поговорил, пожурил и ушел в парк — там сегодня танцы. Я дописал статью о противопожарных мероприятиях и решил читать скопившиеся газеты.

Нина, Нина! Глянула бы ты, какой хаос у меня в комнате... Скучно...

23.06.60 г. Четверг.

Неужели Нина не получила до сих пор мое первое письмо? Не верится в это, поэтому молчание пугает и мучает меня. На почту я отнес письмо в субботу, в воскресенье оно пошло. Во вторник она должна получить. Почему же до сих пор нет ответа? А сегодня я ждал, ночью я был уверен, что получу, и уснул.

Уснул и проспал. Разбудил меня Семин, которого послал редактор узнать, уж не болен ли я? Как неловко мне было идти в редакцию. Потом стали пугать мысли: ведь я остался без горячего завтрака. Эта проклятая страшная болезнь...

Наборщики, а потом и Иван Федотович¹⁴ ругали меня, они правы: газета будет, а я могу перестать существовать. Газета будет выходить, ее так же будут снимать, а Саша останется без отца, Нина без мужа. Впрочем, я ошибаюсь. Нина будет без мужа год, а потом вновь выйдет замуж.

Раньше я думал об этом и не удивлялся, а теперь? Неужели она выйдет? Конечно — уверен в этом. Может быть, сейчас она понемногу забывает обо мне... Страшно, страшно и больно...

Хотел после обеда поговорить с Курындиным, который осматривал допризывников, но не удалось. Чувствовал я себя неважно, но все-таки решил посмотреть картину «Все о Еве». Так, ерунда, я ожидал большего. Правда, герои в ней очень остроумны, но я так хорошо и не понял, что же хотели доказать зрителю постановщики этого фильма.

...На улице дождь. Дождь с молнией, громом. Как не хочется идти в комнату одному. Перед тем, как идти в кино, написал стихотворение. Думаю послать его Нине. Не знаю, понравится ли оно ей? <...>

Помнишь ты, как пахли маттиолы
У меловых круч «Заготзерна»?
Я тебя встречал тогда из школы.
Ты спешила, радости полна.
А теперь? Наверно, позабыла
И немножко стала холодной...
Очевидно, никакая сила
Не заставит вспомнить тех ночей.
А я помню, вижу... Я вдыхаю
Запах маттиол, твоих волос,
Помню все движенья. Вспоминаю
И чуть-чуть веснушчатый твой нос...
Я сейчас один. Госкую очень,
Я по пальцам сосчитал все дни,

¹⁴ Иван Федотович Верёвкин — журналист, друг Белокрылова.

И упорно жду счастливой ночи,
Когда мы останемся одни,
Чтобы можно было, не стесняясь,
Целовать и губы, и глаза.
Чтобы лежа, не приподнимаясь,
Обо всем тихонько рассказать.
Обо всем... И главное, конечно,
Рассказать о том, как ждал тебя.
И услышать, что мы будем вечно
Жить, работать, друг друга любя.

Пришел домой, завидуя тем, кто заходит в комнату вместе с женой, глянул на неубранную постель, и сердце сжалось.

Нине там легче, а каково мне, больному человеку?

Прочитал несколько статей из «Литературной газеты», покушал (уж в который раз за день), записал эти строки в дневник.

Буду ложиться, буду снова думать о ней. Я уже похудел за это время, и главное — мучает ревность. Непонятные предчувствия. <...>

25.06.60 г. Суббота.

Сегодня неделя, как я послал письмо в Острогжск. Ответа до сих пор нет.

Причина может быть одна... <...>

Приходила мать, навела порядок.

26.06.60 г. Воскресенье.

Проснулся, сходил за молоком, а потом в чайную. Боже мой, опять ничего нет.

Пришлось брать суп с бараниной, хотя это опасно для здоровья. Из дома направился к Середину. Они только собирались завтракать. Шутки, смех... Я завидовал им.

— Ну, как, на праздник?

Иван Михайлович посмотрел в окно.

— Видишь, дождь. Но он перестанет. Нужно идти, тебе ведь писать.

Еще вчера, когда ушла мать, я вновь начал думать, почему от Нины нет ответа, и вдруг радостная мысль обожгла мозг: она приедет! Вот и теперь я думал об этом и сказал:

— Сегодня Нина должна приехать.

Но и Шура, и Иван Михайлович разубедили меня. В самом деле, автобус уже приходил. А почему она тот раз приехала вторым рейсом? Но настроение испортилось, на праздник молодежи идти не хотелось. Зашли в редакцию, а вскоре почтальон принес почту. Мне было два письма: от Нины и из Белой Калитвы, от Володьки Лизунова. Разорвал конверт и начал читать Нинино письмо. Оно мне снова не понравилось. Знаю, не такие письма пишут любимому человеку. Что же произошло с ней? <...>

На празднике песен до конца не выдержал. Ушел домой. По пути зашел в чайную, хлебнул ложек пять супа с бараниной. И уже дома внимательно прочел письмо раз, второй, третий. Нет, не такое письмо я ожидал. Сел писать ответ, написал два листа. <...>

Отнес на почту письмо, поужинал (соседи сготовили мне), лег спать, но где там... Встал, вышел во двор, потом снова лег и снова встал. Боже, не могу. Нет, надо ее вызвать на несколько дней, иначе умру. Сделаю это на следующей неделе. Что же творится со мной?

Р.С. Телеграмму дам в среду на этой неделе.

03.07.60 г. Воскресенье.

Прошла, пролетела счастливая неделя. По утрам я слышал, как Нина готовит завтрак, и, открыв глаза, видел ее улыбающееся лицо. Мы переругивались почти ежедневно, но, сколько я ни говорил ей, она осталась прежней — невнимательной и эгоистичной. Это очень больно сознавать.

В это воскресенье встали поздно. Нина была занята завтраком, когда пришел Иван Михайлович. Он долго говорил о моей болезни, потом ушел. Я так и смог угадать цель его прихода.

Позавтракали в последний раз, Нина всплакнула, и мы пошли к автобусной остановке. Долго ожидали и молчали. В такие минуты почти всегда не о чем говорить, а простые слова кажутся обидными.

Когда тронулся автобус, начал моросить дождь, перешедший потом в настоящий ливень. Я сначала укрывался под кленами у чайной, потом взошел на крыльцо. Слух неприятно резали удары грома. Но вот дождь перестал, выглянуло солнце, и я отправился домой. Успел дойти до раймага, как снова полил дождь.

...Как долго и скучно тянулся этот день!.. Несколько раз сидел в парке на холодной скамейке, смотрел на лужу с отраженными в ней листьями кленов и часто вздыхал. Нины нет...

04.07.60 г. Понедельник.

На работе значительно легче — забывается одиночество. Главное сегодня — это зарплата. Жене послал только 50 рублей. Больше не могу, она это понимает.

С Иваном Федотовичем решили докурить имеющиеся папиросы (у меня их пачка) и бросить курить. Не знаю, выйдет ли что. А как нужно бросить!

Вечером готовил себе молочный суп, читал.

06.07.60 г. Среда.

Дождь идет уже четвертые сутки. Ложишься — дождь, встаешь — дождь шуршит по железной крыше. Кажется, неожиданно-негаданно в наши места по ошибке заглянула осень, да так и не желает подчиниться лету и уйти. А как бы я был рад, если бы в самом деле наступила осень. Желтые поредевшие леса, птичий гомон в высоком небе и... Нина! Ведь осенью она будет здесь. Вспомнил, как мы копали втроем картошку за Доном, в Калитве, и мне до боли захотелось увидеть Нину в комнате. Что она делает сейчас, когда я пишу эти строки? В Острогоске, по-видимому, тоже дождь, а она в общезитии. Теперь она уже получила мое первое письмо и депешный перевод.

Сегодня получил от нее две открытки, одну с Калача, вторую с Лисок, и немного успокоился. Ей тоже тяжело и грустно. Я — в Мамоне, Саша — в Дерезовке, а она — в Острогоске. Молодая, разобщенная семья...

Сколько еще пройдет дней, дождливых и солнечных, холодных и теплых, пока я увижу свою жену, пока мы увидим вместе с ней нашего сына. Как долго этого ждать...

Сегодня мне везет. Получил известие от нее, два раза отлично покушал в чайной, купил килограмм прошлогоднего меда.

Иван Михайлович выехал в Воронеж, и я почти целый день был дома. Читал о Левитане, мечтал о Нине и немного поиграл на гитаре. Купил билет на картину «Вдали от Родины» по роману «И один в поле воин». Она будет демонстрироваться завтра.

Вечером сготовил себе суп, полежал немного на постели, ожидая света, а потом записал в дневник. Письма Яковлеву и Лизунову писать не хочется. Прочту лучше еще раз письма Нины и лягу спать. А дождь идет и идет...

08.07.60 г. Пятница.

Кто-то осторожно, но настойчиво постучал в фанерную дверь моей комнаты. Я соскочил на пол, быстро отбросил крючок. В комнату вошла улыбающаяся мама. Я никак не ожидал ее сегодня и поэтому растерялся от неожиданности. Глянул на часы — было ровно семь.

Мать сразу начала расспрашивать о здоровье, коротко рассказала о жизни в Дерезовке. Сашу снова взяла теща. Это очень плохо. Перемена мест, режима, новые люди, к которым нужно привыкнуть, — все это отрицательно сказывается на развитии ребенка. Теще я не раз говорил об этом, но разве поймет что-нибудь своеобразная женщина!

Мать разогрела мне оставшийся от вчерашнего ужина суп, и я ушел в редакцию. В обед ел прекрасный зеленый борщ, вареники и кисель из свежих вишен. В редакции Фролыч протянул мне письмо от жены. Я пощупал конверт и разочаровался: в нем был всего лишь один листок. Этот листок был использован только с одной стороны. Неужели ей не о чем писать? Почему же мои письма выглядят такими длинными? Нина уже кончила письмо, потом, по-видимому, вспомнила, что я ругал ее за невниманье, и сделала приписку, интересуясь моим здоровьем. Совсем непонятно, что происходит с ней в Острогжске. Неужели понравился кто-нибудь? Непонятно, а это особенно пугает и злит...

К Ивану Федотовичу приехал дальний родственник. В Острогжске он в военной части преподает автодело. Сейчас он скучает в Мамоне и частенько заходит ко мне. После обеда мы разговорились с ним о городской жизни, и он рассказал страшные вещи, которые вытворяют в Острогжске солдаты. <...>

Вечером до 10 часов сидел дед. Когда он ушел, хотел написать статью, но вместо этого на конверте написал адрес Нины. Писать не хочется.

Сегодня только 8 июля, до нашей встречи (если, конечно, она состоится в октябре) осталось ровно 84 дня. Много, как это много... Нина уехала пять дней назад, а мне кажется, что я не вижу ее больше месяца. Глупая, писала хотя бы длинные письма. Да что они ей — в Острогжске, видно, веселее...

* * *

29.07.1962 г. Воскресенье (г. Калач).

Одиночество всегда заставляет мыслить. Может быть, когда-нибудь человек и не будет одинок, но в наши дни бывает минуты и даже месяцы, когда ты один. Один, хотя кругом много людей и с веселыми, и с печальными лицами.

Становится грустно, если твои самые заветные мечты натываются на холодную стену, грустно, если о самом сокровенном говорят, как о засолке огурцов или купленной рубашке.

11 июля я отправил в «Дон» рассказ «Утерянные деньги». Что с ним будет, получу ли ответ?

Смотрел картину «Человек идет за солнцем». Это замечательно. Гибель подсолнечника — гибель человека. Может ли взрослый отождествлять эти вещи? К сожалению, нет. Он носит в себе много дурного. Но будет, будет когда-то так, что гибель каждого живого существа мы будем воспринимать как смерть человека. Это самый сильный эпизод в фильме, и говорит он о том, о чем должен заботиться сейчас каждый из нас — о жизни целой планеты...

03.08.1962 г. Пятница.

Сегодня 8 дней, как мои уехали в Калитву. Просил, чтобы написала, но нет никаких известий. Каждый день заглядываю под ящик с салом, куда может завалиться конверт, брошенный почтальоном в форточку, но... там ничего нет. С нетерпением жду ежедневно почту в редакции, но вижу только письма с пометкой «Сельский труже-

ник». В последние месяцы мне все чаще и чаще кажется, что я никогда не был мужем ей. Она была молода и, конечно, не догадывалась о том, что ее место на танцплощадке среди дергающихся кликуш и бледнолицых хлюпиков в тонких штанишках.

<...>

Нет, что-то есть такое выше
Разлук и холода в руке...¹⁵

Ведь она способна ценить иногда даже очень тонкие понятия настоящей красоты, хотя нередко она восхищается чисто оригинальным.

Но человек?.. Бывают ночи, когда я не смыкаю глаз, так болит в желудке. Она прекрасно знает об этом, неужели ей как человеку не требуется узнать, что со мной. Даже Редько¹⁶, узнав, что я часто мучаюсь, сказал:

— Да, тебе страшно оставаться одному.

Всякий раз я писал первым. На этот раз не стану, из принципа. Ведь я просил ее написать. Очевидно, некогда... <...>

Ну, что ж, чем-то должно все это кончиться.

Сегодня написал письмо Конст[антину] Симонову и пережил несколько приятных минут, вспомнив о творчестве другого Константина — Паустовского.

Итак, опять длинная бессонная ночь и не менее длинное воскресенье.

05.08.62 г. Воскресенье.

Уже август. Скрюченные зноем листья падают на щербатый калачеевский тротуар, захламляется городской парк, и утки на грязной реке кричат по-осеннему тревожно.

Сегодня перечитал свой дневник и удивился, сколько в нем ненужного и лишнего мусора. Появилось желание разорвать эту мазню, но воздержался. Свое прошлое уничтожить трудно. Да и зачем?

Начал перечитывать письма свои и Нины из Острогожска, злился, радовался и грустил. <...>

Завтра обязательно надо ехать в Нижний Мамон. И далеко, и вызовет лишнюю ревность жены, которая никак не может понять, что я очень далек от донжуанства. Глупая Нина! А впрочем, я зря отношусь к этому спокойно. Ведь сколько раз проверено, что человек всегда судит по себе. <...>

Сегодня отослал письмо Константину Симонову. Пришлет ли ответ?

10.08.62 г.

Это случилось в среду, уже ночью. Вечером все было нормально. Пришел домой рано, постирал себе синюю рубашку, майку, лег, читал, а потом снова стал раздумывать о том, почему так долго жена задержалась в Новой Калитве?

В ту ночь я заснул почему-то очень быстро, а утром (в 4 утра) проснулся весь мокрый. Мне было холодно, я покрылся гусиной кожей, а пот катил градом.

...Отпустило только в пятницу вечером. Спасибо Георгию Ивановичу. Итак, я почти двое суток ничего не брал в рот...

На этом дневник, весь написанный чернильной ручкой, обрывается.

А через несколько чистых листов шариковой ручкой и уже позднее изменившимся почерком писателя написано: «Если женщина захочет иметь больше того, что она может иметь, жизнь для нее самой и особенно для близких становится сущим адом»...

¹⁵ Из стихотворения Иосифа Уткина.

¹⁶ Георгий Иванович Редько — коллега по калачеевской районной газете.

ДРУГУ-ПОЭТУ В.П. ЖИЛЯЕВУ

с. Дерезовка, 2 января 1972 г.

Здравствуй, Василий!

Спасибо за новогодние поздравления.

Еще на один год приблизилась наша старость. К счастью, мысли о вечере жизни пока не стали привычными мыслями — значит, еще надеешься на что-то и чего-то ждешь.

Трудно, брат, так вот сразу исполнить твою просьбу «черкнуть пару строк», ибо ничего этими строками не скажешь, кроме того разве, что жив-здоров.

После летней нашей встречи ничего значительного не произошло. По многим причинам плохо писалось, а стало быть, плохо и жилось. Дважды приезжал ко мне Б. Много говорили, но что-то появилось у меня подозрение, что он так и останется блуждающей звездой, человеком, который со временем, может быть, поймет, что ошибся, не взяв на себя никакой ответственности. Видимо, всего хотеть — ничего не хотеть, все знать — ничего не знать... Печальная мысль о бесконечной цепи противоречий.

Новостей и много и мало, в зависимости от того, кому что надо и как к этим новостям относиться. В октябре ездил в Тулу, на межобластное совещание молодых писателей. Если просматриваешь газеты (литературные), прочтешь не только о том, что там было, но прочтешь и обо мне.

Сдал в Центрально-Черноземное издательство новую повесть («Завязь». — Т.Б.), вошла она в тематический план, но затеялась какая-то возня с тем, что усмотрели в ней многое такое, что нельзя якобы пустить по цензурным соображениям. Сейчас повесть у третьего рецензента — у Евг. Носова в Курске. Чем все кончится — не знаю. А сейчас пишу пока рассказы.

Вот, пожалуй, и все, что могу тебе коротко написать. Как ты? Пиши, спрашивай, делись мыслями. Буду рад! А пока — всего доброго!

С приветом, В. Белокрылов.

с. Дерезовка, 16 марта 1972 г.

Дорогой Василий!

Спасибо за поздравления — и в феврале, и в марте. Но почему не пишешь? Или так уж заработался, или, может, биологическое неприятие писем? Кроме литераторов, мне сейчас не пишет никто, а литераторы, брат, не скупы только на жалобы. Писал мне интересные письма поэт Алексей Прасолов, но совсем недавно он «ушел», как говорится, в мир иной... Жалко парня. Тяжелый был человек, но поэт отличный, без булды, как говорят сами поэты. И стихи писал чудесные.

Советовал:

В себе ненужного не трогай,
Смотри
В глаза простого дня...

А сам без устали, с остервенением «трогал в себе ненужное», и таким образом этим ненужным и был смят. Приезжаю по делам в Воронеж, а в Союзе беготня — Лешка задушился в ванной. Такие вот нехорошие дела...

Тесно стало в мире и... одиноко. Не парадокс ли? Согнав людей в большие коллективы, мы, как мне кажется, разъединили, разобщили их. И не спасают от оди-

ночества ни машины, ни мотоциклы, ни телевизоры. Человек не оставляет душе своей ничего. В иную ночь выйдешь во двор, увидишь в небе громадную луницу, а сердце болью так и сведет — туда тоже дотянулась жадная человеческая рука, и осмеяна вековая тайна. И спасают Луну только стихи:

Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...

Пишу сейчас рассказы. Медленно, по капле в день. Два больших романа отложены. («Земля держит всех» и «Жизнь как жизнь». — Т.Б.). Не раньше, чем в мае возьмусь за один из них. Буду сочетать сидение за столом с сидением на лодке или на крутом берегу над озером. Удочки есть, а черви... Любого из отдельных на крючок нижи, любой сойдет по качествам за червя навозного.

Пиши, буду рад получить от тебя письмо. А пока всего доброго и тебе, и супруге твоей, и наследнику.

С приветом, В. Белокрылов.

Р.С. Извини, что шлепаю на машинке. Привык — раз, нечитабельный почерк — два.

г. Воронеж, 20 апреля 1982 г.

Вася, привет!

Не удивляйся моему письму. Третий год не вижу разлива и, пытаюсь нынче с утра представить, каков он, распахнувшийся весенний Дон, различаю множество лиц, ассоциативно связанных в моей памяти с разливом. Из этого множества возникших лиц — твое, и именно тебе из этого множества захотелось сказать что-то. А коль сказать невозможно, прибегаю к почти забытому в наш телефонно-экранизированный век средству связи — письму. Извини.

Как ты там, как Калитва — столица хохлацкой моей юности?

Пытался расспросить у Ивана Ивановича Ткаченко (школьный учитель писателя. — Т.Б.), который заглядывал ко мне с месяц назад, о тебе, о тамошней жизни, но, увы... Кроме своих краеведческих изысканий мертвого и сетований на преподавание, он ничего не хочет видеть, а может, просто и не видит. Короче, передай ему, если увидишь, привет. И написал бы, а? Ведь прошлое в нас все еще живет!

Привет бывшей супруге. Всех вам благ!

С дружеским приветом, В. Белокрылов.

г. Воронеж, 3 января 1983 г.

Здравствуй, Василий Павлович!

Получил поздравительную открытку, спасибо.

Обратный адрес ты не подписал, но, думаю, по-прежнему ты обретаешься в школе, и письмишко мое в руки тебе попадет.

Ругаю тебя, что уже много-много лет отделяешься ты поздравительными открытками. Рад, что помнишь, но хотелось бы большего — письма, если уж встречи наши, можно сказать, случайны и столь редки. А сказать друг другу у нас есть что.

Частенько вспоминаю наше «сидение» в калитвянской гостинице. Жалею, что не сидели мы вдвоем. Мешал мне Сергей Риммар (воронежский критик), мешало и еще что-то — то ли неопределенное отношение к нашему «сидению» Николая Иващенко (бывший коллега писателя по газетной работе в Новой Калитве. — Т.Б.), то ли сама обстановка в гостиничной неприкаянности. Да и сам «хозяин», сиречь Донцов, был в каком-то раздерганном состоянии, и меня, грешного, не покидала мысль, что «сидение» наше для кого-то не очень желательно. Кстати, передай Дон-

цзову привет от меня. А Николай, насколько мне удалось его почувствовать, так и остался «дегустатором» всего, что может высветить нимб вокруг головы.

Боже мой, сколько пришлось мне узнать людей, которые, не состоявшись в чем-то главном, мучаются сами и создают неловкость для других. Я даже вещичку одну задумал под названием «Пятый угол». Это о людях, чего-то всю жизнь ищущих. Но поскольку пятого угла в доме, а стало быть, и в жизни, нет, всеохватный дилетантизм Б., хочешь — не хочешь, вызывает неловкое смущение. Не знаю, что он «дегустирует» сейчас, но думаю, что все одновременно — и живопись, и поэзию, и спорт, и, по возможности, сексуальные ощущения сорокалетнего интеллектуала-одиночки. Извини, дорогой, но чертовски скучно слушать одно и то же на протяжении многих лет из уст человека умного, каковым я Б. считаю. Но беда его в том, что неприятие мещанства по отношению ко всем, кроме тех, кто «его поля ягода», у него уже смахивает на позу, поиски превратились в изыски, а свобода поведения отработалась в отличную адаптированность.

В последний свой заезд ко мне (как всегда — в полночь, поскольку и там, и там ночевки сорвались) он высказал свое недовольство моим невниманием к нему. А какое могло быть внимание, если дочь у меня была больна, жена тоже, сам я был зол и озабочен, а он, вкусно покушав, приговорился «поговорить» до рассвета, что меня ни морально, ни физически не устраивало. Об этом я ему и сказал. Будешь, говорю, высказываться до 6-ти утра, потом до 12-ти спать, и все трудности в том будут заключаться, чтобы обуться, взять спортивную сумку и дойти до остановки. За столом высказал мне сожаление, что нет домашнего масла («как тот раз») и молока. «Вы что, не покупаете? — спросил. — Люблю молоко». Я не удержался, сказал честно: «Деньги кончились...» Не поверил, представь, и стал дружески укорять, как это я, писатель, сижу без гроша в кармане, дошел до того, что не могу ему, кроме яичницы с колбасой, поставить в масленке масла и молока, которое он любит...

Ей-ей, Василь Павлович, не вру. Хорошо знаю, что Виктор Будаков его не жалует, всякий раз находит повод отказать в ночлеге, и поэтому (только поэтому!) всеми силами стремится попасть именно к Будакову, ну, а потом уже как в последнее, наверное, убежище, ко мне. Что это — святая простота или уже беспардонность одиночки, не знающего обузы семьи, обязанности мужа, отца?

Не сплетничаю, ибо говорил об этом Б. Он сидел и глубокомысленно улыбался... И, мне кажется, бесповоротно записал меня в мещане, причислил меня к сонму мучеников, «взыскующих града Господня». Я видел в глазах его нескрываемую насмешку... И все мои заботы земные были ему «до лампочки».

Знаю я Ивана Федотовича Веревкина — журналиста, участника войны, вечно молодого человека. Так вот, написал он большущий роман (170 страниц на машинке). Роман в «Подъеме» мурыжили четыре года и вернули. Я как раз приезжал в Мамон, познакомился ближе с Веревкиным (61 год), и он дал мне прочитать роман, весьма слабый в художественном отношении, в чем удалось автора убедить. Уважаю человека, который нашел в себе силы увериться в своей недотянутости. Другие же... Ан, ладно!

Живу я пока душевно трудно, в постоянных сомнениях по отношению к своему деланию, хотя все вроде бы хорошо. И это, видимо, удел всех, у кого нет выбора.

Еще раз спасибо, что помнишь. Пиши!

Будешь в Воронеже, знай — я буду рад видеть, поверь!

Всего доброго тебе и твоим близким.

С приветом, В. Белокрылов.

с. Дерезовка, 23 сентября, 1988 г.

Что ж, девки, здравствуйте!

<...>

А я вчера ходил на охоту. Специально пошел той дорогой, которую Катюха запомнила лучше меня. Это та самая дорога, на которой мы рюкзак оставляли. Первым делом, на что потянуло, — это нарвать ежевики. Набрал с ходу горсть, высыпал в рот. Вас, конечно, вспомнил. Эх, думаю, были б они тут!

Подошел к озерку, около которого мы обедали (один раз с матерью, второй раз втроем). Так вот. Подобрался почти вплотную к плесу, гляжу, будто бы чирки сидят. Вглядываюсь минуту, вторую — нет, мертвые точки. Уже глаза стали слезиться, когда заметил, что шевельнулся вроде бы комочек, который я уже принял было за полусвернутый лист. Зажмурился, дал отдохнуть глазам, а когда открыл их, ясно различил шею и голову чирка. (Чирок, чтоб Катюха знала, — это маленькая такая уточка). Приложился, ударил... Знали бы вы, сколько стоял я растерянный, с открытым ртом, когда убедился в промахе. Никогда не было такого, чтобы я промазал в сидяков. На этот раз промазал. Выбрался на дорогу, постоял в раздумье, куда идти, и пошел назад, решив добираться до Мокрого Калачика заброшенной дорогой. Уже на подходе к тому месту, где мы сворачивали в сторону Дона (Катюха этот сверток помнит, указала мне его), увидел лося-двухлетка. Ну и красавец, скажу я вам! С белыми подпалинами по бедрам, прямо как гусар в рейтузах, поджарый, весь, точно сжатая пружина; ох же и махнул он, когда я нечаянно задел стволом ружья за ветку. Точнее сказать, не махнул, а каким-то единым скользом бесшумно развернул корпус и, словно по воздуху, по просеке поплыл.

Да, много чего я на озерах и около них видел, но скажу лишь о том, что меня печалило. Если вы помните, я показывал вам сухой вяз, у которого мы сворачивали, идя с Круглячка, на торную дорогу. Так вот, вяза этого я не увидел. Рухнул он. Буквально дня за три до моего приезда ураганный ливень над Дерезовкой прошумел. Наделал он бед. По выгону до сих пор полосы ливневых потоков заметны. А поглядели бы вы, как прилизло вербовую поросль, не говоря уж о травах, около лодочной пристани. Сюда из не умечающего воду яра метра в два высотой шел в Дон поток. Лодки посорвало, и ловили их уже после бури, какую где.

Кончу рассказ об охоте тем, что убил двух чирков, коих сегодня и вкушал с удовольствием. Сижу, ем и то и дело вслух говорю: «Эх, Катюху бы с матерью сюда!»

Пишу это в расчете на девку младшую, на дочь, ибо мамаше ее, кроме деловых сообщений, других слов для опального мужа найти трудно. Сухим сообщением отделаюсь и я. В самом деле, все у меня нормально, чему я рад, может быть, больше, нежели вы.

Как ни печально мне было читать куценькое, сухонькое письмо ваше, целую вас обеих, отчего вы, быть может, и не возликуете.

Всех вам благ и лада! Ваш В.Белокрылов.

с. Дерезовка, 22 декабря 1988 г.

Вера, Катя, здравствуйте!

Сейчас половина 12-го. Я навел порядок в своих апартаментах, но, прежде чем растопить грубку, решил написать письмо.

Доехал отлично. Спал на Катюхиной койке, поскольку в нашей половине вода в ведре замерзла. Растапливать не стали, так как вечером явился Колядин с предложением пойти на охоту в среду.

В. Белокрылов с мамой Прасковьей Андреевной и женой Верой Ивановной.
Дерезовка, 1980-е годы

На охоте были. Вышли, правда, поздно. Снег у лесопосадок, на склонах оврагов выше колен. Ходить было тяжело. Но... ничего. Убил зайца. Сейчас буду готовить себе из двух передних ног второе (тушить), а остальное мать сложила в эмалированную кастрюлю, засыпала снегом и выставила во двор. Думает, что, если будет морозцы, зайчатина сохранится, как в холодильнике.

Зверя — много. Уже по дороге домой (еле шли, так устали) на нас чуть было не наскочила лисица. Пошел густой сырой снег, уже вечерело, и лисица правилась в поле мышковать (лежала, видимо, в яру). Мы увидели ее метров за двести, легли, и она правилась к нам. Помешал кобель. Он выскочил на взлобок, лисица его увидела и дала ходу. Мы знали, что она перейдет через Дон, пройдет по лесу и опять через Дон, напротив Казачка, залетит в поля. Надо было вернуться в Казачок, где и перехватить ее, но мы не предприняли этого, ибо чертовски устали.

Я стрелял еще в одного зайца, но он был далеко, а заряды с утиной дробью. Иван стрелял в трех. Двух, осел, промазал, одного убил.

Ходили мы не в поле, а по оврагам и кручам. Кстати, зайца я убил чуть выше того места, где когда-то кислику рвали (с нами Ольга была). Кислика отличная. Ветви унизаны ягодами. Я немного нарвал. В следующий раз нарву еще. После морозов кислика — прелесть. И как красивы красные кусты на снегу!

Пожалуй, буду кончать, ибо растапливать надо. Завтра, а, скорее всего, уже сегодня с вечера примусь за рассказ. Сейчас же надо снег откидывать от сараев, иначе двери не открываются, калитку вырубить ото льда, а то еле протискаиваешься с улицы. Мать ничего, копается. Мясо (две передние ноги от зайца) еле разрешила мне тушить. Вези, дескать, в Воронеж!

Кроме Колядина, никого еще не видел. Правда, к Веревкину заскакивал минут на пять. Они с Марьей Борисовной передают тебе привет.

Кажется, все. О чем-то другому писать пока не буду, о планах рано, ибо кабана решили держать до Нового года.

Всех вам благ! Целую, В. Белокрылов.

Р.С. Катюха! Напиши, каковы успехи и в той и в другой школе (в обычной и в музыкальной. — Т.Б.). В.Б.

24 декабря 1988 г.

Девки, здравствуйте!

Сегодня совсем развезло. Таает, с крыш капель. Весь день дома. С 8 до 11 писал, потом... Э, дел хватает. Готовил к растопке грубку, патроны заряжал, опять писал.

Вчера ходили с Колядиным же на охоту. На этот раз добрались до Орешного. С неотступной мыслью о лисице стал подниматься по Сошному шпилью, намереваясь оглядеть яры, где в прошлые годы не раз по лисицам стреливал. А погода... Разгулялась такая метель, что впору бы дома сидеть. А на Сошном шпилье (вспомните крутой подъем, где нас Кищенко с Нюской и азербайджанцем фотографировали), так вот, на Сошном шпилье сила ветра такова, что с ног валит. Снег отдельными куртинками, весь же склон в сплошной наледи, меловые камни тоже во льду. Передвигаться пришлось ползком, а в отдельных местах и на коленях и даже на боку с помощью локтей. По ту сторону оврага, пока взползал на самый верх шпилья, из кустов боярышника и барбариса, спугнутые мной, поднимались зайцы. Четыре штуки живых тушек! А мне и стрелять нельзя. Косые, правда, далеко, но двух можно было достать крупной дробью. Только стоило бы мне вскинуть ружье, и я скатился бы в овраг, а он страшен своей отвесностью и глубиной.

«Лисьи» овраги я-таки обошел, но без толку, лишь измучился, выдирая уходящие в затверделый наст ноги. Лиса же в оврагах не легла, а облюбовала себе место в ложбинке на самом верху перевала. Чуть бы мне от извершья оврага подняться повыше, и я бы лисицу ухлопал. Но наскочил на нее Иван. Когда мы сошлись и перекусили, я предложил ему обойти ложбинку, которую мы миновали. Он к ложбинке и пошел, а я поспешил на другой увал, чтобы стать на месте перехода зверя. Видел, что лисица (а может, лисовин) поднялась шагах в десяти от Колядина, да еще и развернулась к нему боком, постояла. Видимо, не ожидала, что в такую погоду адскую кого-то черт будет носить в ее владениях. Иван два раза бабахнул, но... Сослался на слабость снарядов, а я был вне себя от бешенства. Везет же человеку! И до лисы он в двух зайцев стрелял, но тоже промазал.

Я же... Обозленный, я послал его вместе с кобелем Алтаном прочесать заросший лесом Косой яр — первый овраг Орешного. Сам стал на переходе, т.е. там, где начинается овраг, и куда обычно выходят из леса и лисы, и зайцы. И что же! Первый заяц вышел в метрах пятистах от меня, по ту сторону оврага. Я продвинулся метров на триста вперед и вижу — чешет косой мимо того куста, около которого я стоял. Зарядил картечью... клац... осечка. Еще один русачина вылетел прямо на меня, а тут опять осечка в обоих стволах. Можете представить мое состояние. Оказывается, я слишком постарался смазать замок ружья, масло забыл стереть тряпкой, вот и вышло худо — бойки обмаслились. Вытер я замок перчаткой и только успел зарядить, гляжу — катит на меня косой. Этого уложил.

Сколько же, девки, зайцев! В этот день я взял еще одного. Здоровый, килограммов на шесть. И темный (увидите шкурку). Это значит, лесной, т.е. перешедший на дневку из лесу. Почему? Когда сильный ветер, лес шумит, шум русаков пугает, и они перебираются через Дон на кручи правобережные, где и ложатся то прямо под кручью, то по-над срезами оврагов, под кустиками, где тихо. Темный же потому, что принимает окраску местности, где его породила зайчиха — в данном случае под цвет подлеска.

С этими двумя зайцами я еле ноги до дому дотянул. Колядин был с одним (убил в Орешном), но и он еле на кручу выбрался напротив улицы. Шли мы Доном. И — тихо (ветер был бешеный, с мокрым снегом), местами снег со льда или сдут, или в оттепель подтаял от поднимающейся воды. Воду теплом выжимает в трещины и продушины, снег солодеет, потом его опять подмораживает, и он шершавым становится.

В Орешном кобель начал гонять секача. Здоровый черт, метра полтора высотой в холке. Черный, на снегу виден далеко, и мы наблюдали, как он кружил на одном месте, намереваясь кобеля чиркнуть клыком. В это время к кабану можно подойти довольно близко, на выстрел. Мы, однако, не решились. Что делать с такой тушей?

Второго кабана увидели, не доходя до Казачка. Хотя уже и вечерело, кобель его заметил. Семенял рядом с нами и вдруг рванул на ту сторону. Тут и мы секача увидели. Ходил он видный сквозь кусты по гребле, т.е. вершинному отъему, разделяющему подъем берега от леса. Этот оказался еще здоровей первого.

Итак, за два выхода взял я трех зайцев, коих надеюсь привезти в замороженном виде. Заботу эту взяла на себя мать. Такая блажная, что с трудом согласилась, чтобы я себе передние ноги и печенку с легкими и сердцем потушил. Ешь, говорит, головы гусиные, которые ей Полюха Смагина дала. Вот так!

Но зайцы зайцами, а вот как лису хоть одну ухлопать?! Видим мы их много, но охотиться на них надо по-умному и по иной погоде. Как только поднимется метель (обязательно с восточным ветром, дующим вдоль Дона, в лицо), непременно пойду по лисам и думаю, что схожу удачно, хотя... сплюнул три раза, написал эти слова, и вы это сделайте, когда будете читать.

Что еще? Сейчас 25 минут десятого. Надо бы писать рассказ, а я вот письмом занят. Здесь мне все время приходится бороться со сном. После охоты особенно. Да и после каждого выхода во двор. Наглотаешься воздуха и — лечь тянет. Не знаю, когда удастся сдать письмо. В центр идти не хочется, а по воздуху конверт не отправить.

Ладно, кончаю. Сейчас стготовлю чаю и попробую-таки сесть за рассказ.

Да, термос-то мы забыли положить, а как он нужен, прямо-таки необходим в скитаниях по оврагам и кручам. Заячьи шкурки (пока три) привезу в Воронеж. Ну, всех вам благ! Целую, ваш В. Белокрылов.

Пишите! Если, конечно, есть потребность души.

с. Дерезовка, 31 мая, 1989 г.

Здравствуй, Верунь!

Только что прошел ливень. Шум воды в овраге напомнил давнее, и я не утерпел, поспешил к Дону поглядеть, что творится в горловине яра. Вода тут распалась на три рукава: главный и два оттока по обе стороны стержневого потока. Сплошной рев, мелкий кустарник от сильного напора ходуном ходит. Постоял, поднялся на кручу и выгоном, вымокнув по колена, вернулся через огород домой. За стол не тянуло — слишком уж благодатный воздух во дворе, но, чтобы чем-нибудь себя занять, вынес из погребицы косу и не спеша убрал вымахавшую по пояс траву у ворот.

Писать, по сути, не о чем. По приезде — разговор с матерью, с Иваном Колядиным, который немедленно явился засвидетельствовать свое почтение; на второй день — уборка комнаты, проветривание, раскладка рукописей, копка червей. Сегодня утром, в шесть часов, ходил на рыбалку, но, увы... рыбы чувствительны к перемене погоды. Ни одна захудалая не клюнула. С таким, то есть пустыми, ушли с рыбалки и другие. Вернувшись с рыбалки, кое-что сделал. Завтра сяду за повесть плотную («И ждет нас день...» — Т.Б.), дабы к вашему приезду повесть доконать.

Ну, что еще? Всяких описаний ты не любишь, разговор о чувствах принимаешь за сантименты, серьезные размышления мои сейчас лишь о литературе и о нас с тобой, но поскольку темы эти весьма щекотливые, их тоже лучше не затрагивать, а делом доказать, что я не верблюд.

Забыл сказать, что картошка после прижога заморозком вроде бы отходит, кукуруза жухлая, и по виду ее трудно пока решить, что ожидать, фасоль вся сникла, помидоры мать пересадила, благо, рассада оставалась.

Письмо пишу на машинке в расчете на Катюху, но вряд ли оно ее застанет. Во всяком случае, поприжимай ее к себе за меня, а то и пощекочи, если будет на то желание. И, пожалуй, все. От матери привет.

Обнимаю, твой В. Белокрылов.

с. Дерезовка, 13 сент., 90 г.

Ну, милые мои, здравствуйте!

А я, прошу поверить, по вас заскучал. И хандрить начал. Эту ночь спал не спал, раз пять поднимался пить чай и курить, а в полчетвертого решил сесть за стол и к 9-ти страничку целую набухал. Но, в конце концов, вышло, что все-таки дурак, потому что весь день ходил вареным. С кукурузой, правда, на нижнем огороде расправились, да перед обедом в центр за хлебом сходил. Сеть днем с Иваном Колядиным не проверяли: кто-то лодку угнал, но рыба жареная есть.

Такие вот общие и не общие дела. Вчера я, мать моя, строителя так и не увидел, но сегодня в кабинете застал. И хорошо, что сегодня. После обеда они как раз собирались пилы в мастерской на мелкие поделки ставить, вот и распустили бы мои плинтусы по два метра, как я и просил. Но упредил, успел.

Что еще? Помидоры «гамузом» доспевают, вчера мать собрала сразу два ведра, а у вас их, наверное, нет. Арбузы также свозят, но они в этом году плоховаты, не успели под сплошными дождями доспеть.

Ну, все, пожалуй, ибо «чижало» двоим — жене и дочери — писать: одной об одном, другой о другом нужно. Поэтому, чтобы письмо потолще было, прилагаю вам две странички из «Лощины». Хоть и забракованные, но читайте. По-моему, ни-ча-во. До встречи, дорогие! Теряющий загар В. Белокрылов.

[Предположительно, 1990 г.]

Вот что, Вера!

По возможности буду краток и скажу о главном. Первое — это крах моего заблуждения, которое заключалось в том, что я верил в возможность твоей увлеченности всем тем, чем еще три-четыре года назад ты могла если не восторгаться, то считать полнокровной жизнью: поездки на Дон, вылазки в лес, на озера, встречи с людьми наподобие Кищенко, разговоры о чем-то чуть более высоком, нежели то, что представляет собой быт, повседневность человеческого существования. Увы... все это, как и моя работа, давным-давно превратилось более нежели в обыденность. Более того, стало если не раздражать, то вызывать снисходительный вздох или усмешку. Лес, Дон, озера, тот же выгон — все это, наверное, хорошо, но только в том случае, когда пребывание там подкрепляется наличием успешной работы, ну и — не будем скрывать — наличием валюты в тех размерах, которые бы не вынуждали о валюте думать. Я тебя отлично понимаю. <...>

Ты ожесточалась, я, из-за запоев лишенный морального права что бы то ни было говорить, то грубо оправдывался, то обвинял в непонимании сути обстоятельств тебя. Обвинял как близкого человека, забыв, что близкий человек при определенных обстоятельствах может стать человеком самым отдаленным и самым непонятливым по отношению к тебе. И было (совсем недавно!) время, что на этой жуткой ноте отчужденности друг от друга чуть было все не сломалось.

Не знаю, но мне кажется, что лучше бы все сломалось. Нам — мне и тебе — было бы, наверное, лучше, легче. Ничего не выиграла бы от этого только Катюха — наша дочь, но в минуты бешенства по отношению друг к другу все (исключений мало) думают только о себе.

Ладно, все это было, и юридически во всей нелепости нашей жизни виноватым можно считать только меня. Свою вину я и признавал. Ты же... Говорить о тебе вряд ли нужно, и не только потому, что я обещал говорить только о себе. Говорить о тебе не надо еще и потому, что ты по природной своей склонности считать себя непогрешимой при разговоре на эту тему становишься обыкновенной женщиной, коей я тебя когда-то не считал. Каюсь, не жалею, что ошибся, но не смогу не сказать и о том, что с некоторых пор твои претензии ко всему (в первую очередь, ко мне) стали в значительной мере перерастать твои возможности, те природные данности, которые ты имеешь как человек. Я понимаю: куда как проще быть самым обыкновенным существом, отвечая только за свое, сугубо личное, когда даже дела, которые ты делаешь, не выходят за узко очерченный круг лиц, с которыми при определенном умении всегда можно быть на высоте положения. Во всяком случае, не чувствовать себя лишним в деле среди сослуживцев, среди которых честность, порядочность и добросовестность в делах — суть лучшие качества. Ты этими качествами обладаешь. Гордись! Но пойми, однако, что в делах, связанных с творчеством, одних этих качеств мало. Что еще нужно — не буду говорить. А вот что нужно тебе — попробую сказать.

Итак, тебе нужно, чтобы я как можно быстрее что-то написал, другими словами, необходим если не выход книжки, то хотя бы публикация в журнале. Я в этом заинтересован не меньше тебя. Заинтересован я и в другом — в нормальной человеческой жизни, ибо это непосредственно накладывается и на первое, но нормальной жизни уже вряд ли суждено быть. Я это чувствую, ощущаю. Нормальной жизни уже не может быть в силу того, что ты окончательно застыла в своих суждениях обо мне. Я, не в пример тебе, своих сил и возможностей переоценивать не хочу, и обещать журавля в руки не могу. Я устал от твоей самоуверенности, устал от бесконечных препирательств и на уровне разговоров — уровне, заданном тобой, — чувствую тонущим в мелкой воде, ибо давно убедился в верности сказанного древними: в споре двух всегда неправым оказывается тот, кто умнее. Повторяю, сказано это не мной, и, зная твою самовоспламеняемость на обиду, не буду уверять, что умнее тебя. Уверен только в одном: никогда не опущусь до возможности топтать кого-то за его падения и ошибки, как не посмею унижить и за незнание в какой-то области, за неумение танцевать, петь, играть на сцене. Ты, к сожалению, ничего этого не принимаешь в расчет. Обладая профессиональным умением, ты решила, что ухватила бога за бороду. Если же проще, ты хотела бы жить выше своих возможностей. Я выше своих возможностей жить не научен и, зная, что после выхода последней книжки, не угодил тебе ни в чем, твое отношение ко мне принимаю. Что ж, ты права — я не хватал эти полтора года звезд с неба, да и вряд ли уже ухвачу оную звезду, ибо боюсь, что от нее можно ослепнуть. С удовольствием бы представил тебе возможность самой срывать звезды, и был бы лишь рад, если бы тебе была дана способность их срывать. <...>

В.Белокрылов.

Вера!

<...>

...Ты то признавала во мне какие-то способности литератора (другие считают меня хорошим писателем), видела во мне человека интересного, способного «повеселить» компанию, могла даже обращаться ко мне с вопросом, касающимся литературы или камерной музыки, любила слушать мое брынканье на гитаре, под которую я мог даже петь кой-какие романсики, теперь же...

Боже! Куда же все это делось, исчезло, улетучилось? За какие же провинности, боже ты мой, опустошил ты меня, что любое мое высказывание расценивается как сказанное человеком, ничего не стоящим, ничего не значащим?

<...> В умности своей я не уверен (ты помогаешь мне в этой неуверенности укрепиться), но чувствую в тебе не поводырицу или хотя бы помощницу в поисках своего пути в потоком разлившейся литературе, а именно с этим желанием ты хотела быть со мной, а лишь вижу пока человека, взявшего на себя роль полностью утвердиться распорядительницей своих желаний.

<...> Понимая, что, в общем-то, совместная жизнь попросту невозможна, хочу одного: относиться друг к другу как пассажиры в одном купе, ибо до станции, где кто-то останется один, осталось немного...

В. Белокрылов

С дочкой Катей и женой Верой Ивановной. 1987 г.

Вера!

Кроме письменного объяснения, уже не вижу другой возможности говорить с тобой. Наши отношения зашли в такой тупик, что выхода из него не будет до тех пор, пока мы не попытаемся быть терпимее друг к другу и не попытаемся друг друга понять. Обвинения в мой адрес подобны снежному кому: с пьянок-де (и только с них, по твоему глубокому убеждению!) происходит и все остальное. В этом «все остальное» кроется и моя медлительность в работе, что, естественно, влечет и безденежье, и скандалы, и мое невнимание к семье, и моя «неизвестность», которая другим видится по телевизору и по газетам.

С этого, с «неизвестности», я, пожалуй, и начну. Конечно же, я не имею права обвинять тебя в том, что о тебе не пишут в газетах, не говорят по радио, не показывают по телевизору. Уже в этом наше неравенство. Обо мне, хотя и пишут, но — видите ли! — мало, говорят, но не с высоких трибун, книжки мои читаются, но никакими титулами я не награжден и не выдвинут на соискание каких-то премий. Пойми, я делал, то есть писал, исходя из своих возможностей, писал честно, и не моя вина, что написанное мной не попало под шкалу всевозможных восхвалений. Трудно сказать — плохо это или хорошо. Литература не живет одним днем, и нередко восхваляемое не признается уже другим поколением. Уже в этом трагедия писателя. Слава, нужная в расцвете творческих сил, приходит к единицам. Единицы эти (для твоего поколения, допустим, Евтушенко Евгений), разрекламированные средствами массовой информации (как те же Рождественский и Эльдар Рязанов) кажутся массовому зрителю или читателю основой основ литературы и кино, чуть ли не единственными представителями поэзии и киноискусства. Но ведь это далеко не так! Сколько превосходных мастеров работают и в том и в другом виде искусства, но рядовой зритель, извини, узнает о них случайно. Может быть, я так и останусь в их числе? Так что же прикажешь мне делать? Считать себя неудачником или пойти по пути другому — быть недовольным тем, что ты как моя жена в своей отрасли никак не проявила себя? Путь этот — нечест-

ный, и я на него не намерен вставать. Неудачником я себя тоже не считаю. Не однажды я пытался говорить с тобой о тех чертовских сложностях, которые стоят сейчас перед литераторами, тем более, честными. Об этом говорили тебе и другие — тот же Кищенко, например. Ты, как правило, отвечаешь: мне нет дела до других! Почему же я не подхожу к тебе точно с таким же мериллом и признаю тебя, ценю тебя такой, какая ты есть. Да мне другой и не надо.

Второе: о работе. Вдумайся хорошенько и ты поймешь, что и в этом мы с тобой не в одинаковом положении. Твоя работа будет для тебя посильна всегда, а, стало быть, постоянно будет оплачиваться деньгами. <...> Твою работу вряд ли кто оценивает по большому счету, ты имеешь дело со считанным числом людей. Книжка выходит к тысячам и тысячам, среди которых найдутся всякие.

И самое главное — ты свою работу можешь сменить. У меня, кроме писания, работы нет, но, может быть, и в этом тоже трагедия тех, кто подвержен искусству творить. Подтверждением тому — десятки примеров ухода из жизни.

И еще. Люди, ступившие на стезю искусства, в силу специфики их труда, как-то на виду. В этом тоже, наряду со счастьем, трагедия, потому что они не постоянно, не каждый день могут быть на виду, особенно писатели. А этого — быть на виду! — хотят ближние. Как быть?

Я, признаюсь тебе, человек уходящей, если уже не ушедшей формации. Воспитанный на лучших образцах русской, в основном, классики, многое в современной литературе не признаю, поиски же нового слова, формы и т.д. не даются подчас годами. И в этом тоже трагедия многих писателей.

Мы очень разные люди. Я никогда не стремился к пресловутой престижности ни в чем: ни в одежде, ни в каких-то бы ни было изысках. Поверь, я никогда не ныл, не завидовал тем, кто имеет кучу денег. Я всегда был доволен тем, что у меня есть. Я жил другим — познавать мир и людей не в их вещественной сущности, а в духовной. Знакомство с тобой вряд ли было ошибкой, поскольку я чувствовал в тебе близкое и мне: тяготение к доброте, порядочности, желанию помочь, быть нужной кому-то. Эти качества у тебя и сейчас, но в последнее время стал замечать в тебе черту, не одобряемую тобой же в жене П.К. и в твоей же сослуживице... Черта эта — брюзжание, недовольство, осуждение. Этому поддался и я. И... нет радостной жизни! Поверь: радостей нет и у тех, кому мы завидуем. Поверь: мне, ей-богу, завидовали те, кто имел в вещественном и денежном проявлении во сто крат больше, нежели я. Не имея столько, как другие, я радовался хорошему дождю, первому снегу, упавшему на траву, увиденному косяку отлетающих птиц, удачно найденному аккорду к песне...

Сейчас я всего этого почти что лишен. Я почему-то был глубоко уверен — и эта надежда теплится во мне еще и теперь, — что все отсутствующее заменишь ты мне своим присутствием рядом со мной. Но я сдерживаю себя в минуты, когда мне хочется прикоснуться к тебе, когда хочется приблизиться к твоему лицу, чтобы посмотреть в глаза, не говоря уже о том, что не решусь опуститься на пол и поцеловать тебя в колено. Все это тебе кажется игрой, желанием подлизаться после очередной вины, называемой тобой «постоянным пьянством».

Говорю правду — я ни на минуту не могу забыть о своей постоянной «виновности»: за отсутствие нужного нам количества денег, за неумение написать в месяц повесть, за невозможность купить арбуз, за неумение достать деревоплиту, за неумение говорить о продавцах и дорвавшихся до власти. С этим в меру своих сил я пытался и пытаюсь бороться словом, в конечном счете, книжками.

Радость жизни не в обладании вещами. Это, к сожалению, начинают понимать, когда всякими вещами обзавелись. Но говоришь же мне ты, что завидуют тебе те, у кого вещей куда больше. Завидуют они не вещам, как мне кажется, а твоему внутреннему тону, твоей непохожести на них. Так не теряй же ты вложенный в

тебя природой тонус. На него никогда не сядет моль, как на любую вещь... С потей же тонуса моль начинает есть душу, а этого я боюсь и в себе, и в тебе тоже.

И последнее. Являясь носителем множества обвинений, я срываюсь на упреки, касающиеся твоей жизни до меня. Понимаю, как это глупо, но постоянно виноватый и обвиняемый во всем том, в чем меня не всегда можно винить, я, ревнующий тебя к твоему прошлому, к прошлому и обращаюсь, поскольку оно закрыто для меня. Но когда тебя постоянно бьют или могут бить (а меня бить можно!), любому животному нет-нет да и хочется отмахнуться. Обвинять тебя в том, что я уже знаю, не могу, поскольку это и вовсе грозит разрывом. Если он желателен, скажи, я попытаюсь найти в себе силы пожелать тебе другой жизни.

В.Белокрылов.

P.S. Испытываю дьявольскую необходимость добавить о том, что меня все же обижает. Это — твоё спокойствие, твоя способность отключаться от меня и засыпать. Ты злишься, когда я мешаю тебе спать, я же из-за тебя не спал много ночей, как вот и эту, потраченную на раздумья и это вот послание. Кто знает, не говорит ли и это о чувствах, на которые так привыкли ссылаться люди?! В.Б.

Знала бы ты, как мешают работе такие вот частые во мне разговоры с тобой и думы-мысли, что слишком прямо кто-то из нас прет в никуда, хотя бы от Катюхи нашей?

Извини, устал... В.Б.

ПИСЬМА ДОЧЕРИ

с. Дерезовка, 8 августа 1992 года.

Катюха, здравствуй!

О чем же написать тебе, милая моя? Трудно это, так как за твоим письмом сложная жизнь нескольких людей, мне, ой, как не хочется, чтобы ты сейчас, а тем более впредь была игрушкой или орудием в чьих бы то ни было руках. Притом письмо (пусть даже самое безобидное) может быть по-всякому расценено, а зачем они, нежелательные эмоции. Поэтому откликнулся телеграммой — приезжайте! — но, увы...

Вот видишь, ты уже с больницей напрямую познакомилась, а я в них, в больницах, попадал 18 раз. Скверно там, в больницах, а посему постарайся туда не попадать, чего на 80 % можно избежать, если советы старших слушать, потому как они, старшие, какой-никакой, а опыт имеют. Понятно, чужой опыт все равно, что черная буря или наводнение где-нибудь в Африке или Андах, но все же прислушиваться к словам старших надо.

А погода... От Дерезовки до Подгорного не так уж далеко, и погода, видно, и там и у нас тут одинаковая, хотя тот же дождь полсела может захватить, а другую половину сухой оставить. В июне погода не радовала, а в июле дожди шли, три раза ливни прошумели. Бахчи мои залило и у многих арбузы позаило. Пришлось каждый кустик от наноса освобождать.

Август издался жарким, таким и оказался. Жарко у нас, купаются всюю. Особенно хорошо по вечерам. Тихо, вода в Дону, как в ведре — не колыхнется и не поморщится. Ну, да ты знаешь! На пляжике все по-старому, дно, правда, совсем стало чистое, хотя ямы на тех же местах, и бакены стоят там же, и по-прежнему к ним и мальчишки и девчонки плавают.

Девчонки о тебе, конечно же, спрашивали. Поначалу, когда я приехал, а потом перестали, потому как неловко ведь по несколько раз один и тот же вопрос задавать, а вопрос один: придет ли Катя и когда? А что я мог им ответить? То насчет пионерлагеря плел, то ссылался на то, что мамке твоей отпуск не дают. Такие вот дела.

Насчет здоровья бабушки, какой может быть разговор? Копаются, с поросятами да курами войну ведет, ну, и меня как пацаненка опекает. Тут уж терпи! Помнишь, как моя книжка «Мороженые яблоки» кончается: «...потому что для наших матерей мы маленькие всегда...» Об этом знай и, какой бы дылдой ни вымахала, мать слушайся, потому что для нее ты...

Вот, пожалуй, и все. Если что — пиши, до конца сентября я буду неотлучно в Дерезовке. А пока девчоночьих тебе радостей, а остальным — пожелание здоровья. Да, еще просьба к тебе лично: не только на велосипеде кататься, но... кроме телевизора, что-нибудь и почитать.

Твой отец, В. Белокрылов.

P.S. Редактор «Подъёма» прислал мне письмо, в котором извещает, что рассказ мой о Лощине пойдет в сентябрьской книжке (номере) журнала.

В.Б.

с. Дерезовка, 27 августа, 1992 года.

Катя!

Итак, высылаю тебе справку, собственноручно написанную Москвитиним и мною отпечатанную. Как видишь, не поскупился он на похвалы, хотя похвала эта задним числом... От себя могу добавить, что девчонка ты ухватистая, но нетерпеливая. Тебе за час хочется нахвататься столько впечатлений, что иной не ожидает и за год. Но, в конечном счете, все было хорошо. Увидела ты поля, послушала людей, которые рясчат хлеб насущный, попала по моей вине в переплет. Имею в виду оказанную нами помощь проезжим около лесополосы. Ты возмутилась тем, что они, даже не поблагодарив, тихой сапой уехали. Я, Катя, к этому привык: разбиваешься в лепешку, от тебя... те-те-те и — уехали...

Что еще? На второй день после вашего отъезда был отличный день — тихо, осенняя мягкая теплынь, и поэтому многие по случаю воскресенья купались. Ну, а на нашей улице свадьба была, и матерей жениха и невесты в Дону выкупали.

Я тоже вечером искупался, а потом долго ходил по выгону, среди ковылей, сидел на круче и грустил.

Приезд в Дерезовку матери с сестрой принял как их прощание с Доном, с выгоном... Короче, со всем тем, что на протяжении 13-ти лет было какой-то частичкой и их жизни. Что ж, дай им Бог обрести для летнего отдыха иные, более красивые и гостеприимные места!

У меня все хорошо: намеченный еще в Воронеже план почти выполнен. Правда, всему еще надо найти место и довести до дела, но это уже не главное.

Тебе же желаю удачной, не нудной учебы и полноценного отдыха. Матери привет. Жаль, что она увидела и поняла все только в нужном для нее с сестрой освещении.

До встречи в октябре! Твой отец, В. Белокрылов.

с. Дерезовка, 30 сентября, 1992 год.

Катя, здравствуй!

Так и не дождался я от тебя ответа на свое письмо. Что ж, такова, видимо, участь всех пап, покинутых мамами. Но ладно, было бы вам хорошо, а мне Бог поможет.

На той неделе свез я с Иваном Колядиным бахчу. Арбузов набралось семь мешков. Арбузы средние. Я до них не особенно охоч и, как только разрежу, сразу мысль о Воронеже, где, слышал, арбузы по 25 рублей килограмм. Аж душу скребет от невозможности доставить вам удовольствие. Передать, как ни пытался, не смог. Один только раз за все это время в Воронеж автобус колхозный ходил, но с передачами людей в него столько набилось, что бесполезно было со своей передачей на-

взвизываться. Надо ехать самому, что, может быть, и сделала на следующей неделе. Можно бы, конечно, и отложить, но арбузы (сегодня бабушка обнаружила) начинают гнить. Ведь после вашего отъезда начались дня через три дожди. Был небольшой перерыв, а с 15-го сентября зарядило подряд на две недели. Поднявшиеся было помидоры замокли, полеглая от бурана кукуруза на верхнем огороде стала подгнивать. Хуже того, подсолнечник на колхозных полях начал покрываться плесенью. Короче, невеселый был сентябрь, поэтому и на душе не ахти как было весело, хотя... Да, хотя и не забывают меня: приезжали гости из Воронежа, Богучара, Калача. Письма пишут. Вчера от одного медика из Новой Меловатки трубку отличную получил. В общем, все вроде по делам воздается.

Из мехотряда я ушел, как только начались дожди. А дня через четыре после вашего отъезда я, Катя, в нерусских стрелял. Случилось это в три часа ночи. Хотели <...> трактор угнать. Слышу — кобелек загавкал. Вскочил я и к окну. Вижу — машина «Волга» стоит около гусеничного трактора, чуть поодаль еще одна, и двое, стоя на гусенице, с дверцей морокуют, пытаются открыть. Я за ружье, на крыльцо выскочил и — залп вверх. Одна из машин сразу за косогор рванула, а эти, на гусенице, растерялись. Один — в машину, а второй дернул к посадке — знаешь, туда, где рукомойник на кусте прибит. Я, не сходя с крыльца, туда грохнул и думал, что уложил, но, слава Богу, не попал, рукомойник только изрешетил. Третьим выстрелом — по машине, но утиная дробь безрезультатно хлестанула по заднему стеклу. На второй день было разбирательство, но что толку — никого не нашли, да и кого искать. А ведь я сразу же после стрельбы все дерезовское начальство позвонил. Нет, никто не явился, даже участковый, чтобы сразу, по горячим следам... И ведь учены уже! Буквально дня за два до инцидента в нашем отряде угнали «Беларусь» из одного колхоза в Нижнем Мамоне. Ни угонщиков, ни трактора не нашли.

Но я не из-за страха ушел. Рука! Как ни опасаясь, с соляркой или мазутом все равно соприкоснешься, и начинается аллергия. Но это уже моя печаль.

Так вот, возвращаясь к нашим баранам, то есть к началу письма, извещаю, что, если на той неделе, не дай Бог сглазить, арбузов не передам, то тогда надежда на то, что там тебе куплю, ибо наши арбузы вряд ли до конца октября долежат. Лето такое дождливое выдалось, что бахчевые в наших местах не выдержали. Верись, возьмешь арбуз, чуть ножом до него коснешься, и он лопается — так богат влагой. А им, арбузам, солнце, жарынь нужны, чего этим летом не было.

Такие вот дела. Как в школе, как самочувствие? Если ленью не захвораешь, напиши. И... пригодилась ли справка?

Будь, Катя, несмотря ни на что! Привет бабе Шуре и Филипповне.

Твой отец, В. Белокрылов.

с. Дерезовка, 29 августа, 1993 г.

Катя, здравствуй!

Есть за Доном озеро Свинячье. Название озера, как не трудно установить и догадаться, связано со свиньями. Это и в самом деле так. Теперь, конечно, не узнать, когда люди этим именем назвали озеро. Что дикие свиньи здесь водились с незапамятных времен — в этом нет сомнения. Но интересно другое. Задолго до революции (но уже не на памяти моей матери, а твоей бабки) дерезовцы отвозили в район этого озера свиноматок с приплодом. Составлялся список, у чьей свиноматки сколько потомства. Хрюшек с детками оставляли здесь без всякого присмотра до самой глубокой осени, а потом, по перволедью, то есть, когда замерзал Дон, в один какой-нибудь погожий день краек наш (ул. Голоновка (ныне Дальняя), (а теперь — имени Белокрылова. — Т.Б.); Свинушка, нынче начало Центральной, и Кручеватка — улица по-над Кручью) всем скопом — бабы, детишки и,

ясное дело, мужики с ружьями отправились к Свинячьему. Загончики — женщины и пацаны с девчатами — заходили со стороны Дона и... кто кричал, кто бил палкой в старое ведро — короче, устраивали такой шум-гам, что бедные свиньи, к этому времени уже частично одичавшие, уходили к лугу. А там их поджидали стрелки. После нескольких таких загонов, а потом прочесывания леса между озерами Свинячьим, Бурчуком и Кривым, отбывавшиеся на кореньях, травах и желудях свиньи на подводах, если не было снега, или на санях (по снегу) везлись на определенное место, где туши делились между теми, кто отвозил хрюшек на самоотъезд, как называли самооткорм свиней.

К чему я об этом рассказываю? Дело в том, что на этом озере я тебя часто-часто вспоминал и страшно жалел, что тебя нет рядом со мною. Помнишь, в день твоего отъезда я говорил: «Уверен, ты уедешь, я поймаю рыбы»? Представь, так и случилось. Вы уехали в субботу, а Иркин муж (он рыбачил чуть выше места, где мы с тобой) — в воскресенье, и я занял его место лова, зная, что место им вдоволь прикормлено в течение месяца. И на другое же утро на донку вытащил два подлещика и десять штук крупных плотвичек. На второе утро — хуже, а потом рыба совсем перестала клевать. Тогда я решил обследовать лесные озера. Обшарил Сухой и Мокрый Калачики, Подгорное (где я при тебе убил курочку), Кругляк... Карася, за которым я охотился, нигде не было, хотя весной он брался на удочку в Дону и, стало быть, в озерах должен был быть непременно. Но карася нигде не было. Надо сказать, что до меня на озера с нашего края не навевывался никто, мамонцы в этом году в силу разных причин тоже озера не посещали, и лес зарос до состояния джунглей.

Но... ладно! После четырех дней поиска карася я его все-таки надыбал. И представь, в Свинячьем, где поиски карася и начинал. Такое бывает. Карась вообще очень чуток к погоде, а дни, когда я туда (в Свинячье) навевывался, стояли или с дождиком, или с ветром, и озеро было мертвым. И еще одна заковыка. Карась, если озеро большое, может облюбовать какой-нибудь уголок, с краю водоема или в центре, поближе к правому или левому берегу, и держится на этом месте с завидным постоянством.

Таким местом в Свинячьем оказалось его начало. Метрах в десяти от устья, сколько я себя помню, лежит в озере громадная верба. Она трехствольная. Нижний ствол погружен в воду, средний — чуть-чуть выше поверхности, а третий (он уже со старыми отростками) от середины второго тянется вверх. Второй ствол, как и третий, сантиметров восьмидесяти в диаметре и, главное, пологий, плоский, то есть не округлый — и стоять можно, и вещи любые разложить.

На этой вербе я всякий раз, попадая в Свинячье, подолгу сижу, наблюдая за «рыбаками»-зимородками (красивая такая птичка), за суетней жуков-водомеров и за озерными курочками, которые нет-нет да и покидают свои потайные места — переплетения белотала (хвороста), растущего в самой воде.

На этот раз на вербу я взобрался с единственной целью — выследить, придут ли на водопой свиньи, лоси или козы. Тропа их прямо напротив вербы с противоположного берега. Было рано, только всходило солнце. В соседних ямках (перемычках от соединявшихся в половодье двух озер — Свинячьего и Бурчука) кричали цапли, встречая зарю, вода была задернута туманцем. И в этом тумане что-то всплескивалось, от капель, падающих с веток вербы, шло бесконечное шлепанье, но все перекрывалось тишиной — той особенной лесной тишиной, которая ощущается густой, вязкой и влажной. От мыслей я совсем забылся и долго, наверное, так бы сидел, если бы не услышал под собой сильный всплеск. Подумав, что это щука, вспомнил, что в карманчике пиджака есть у меня леска с крючком и поплавком, ну, а удилице в лесу найти проще простого. Сошел я с вербы на берег, вырезал чернокленовый прут и, привязав леску, наживив на крючок распа-

ренную пшеничку — остаток от прикормки. И поплавок, к моему удивлению, сразу дернулся, а потом лег плашмя. Не ушел в воду, как в Дону, когда берет самая что ни на есть малявка, а распластался на воде. «На донной траве леска с крючком лежит», — подумал я, но все же сделал потяг и почувствовал на конце лески довольно ощутимую тяжесть. На крючке оказался белый карась — толстоспинный, чуть больше ладони, почмокивающий, когда я его прижал к боку, своим округлым губастым ртом. И сердце у меня запрыгало, мне ничего не оставалось, как снять карася с крючка и положить в рюкзак. И пошло... Был, благо, хлеб, на него я и начал таскать карасей одного за другим и надергал их целый рюкзак, который оттянул мне плечи по дороге домой.

«Живой» оказалась и тропа к водопою. Увлечшись карасями, я о тропе начисто забыл, пока мой слух не уловил чавканье. Я осторожно развернулся на суку вербы и увидел выходящую из подлеска лосиху, она смело вошла в воду, разгребла губами цвель и стала пить. Из зарослей вышел и лосенок — один (обычно их два-три у матери). Этого года выводок, этот малыш был до центнера в весе... Неуклюжий, на своих длинных, постоянно полусогнутых в коленях ногах, лопоухий, он принялся срывать лопушки, а потом тоже вошел в воду. Лосиха все пила, а лосенок заходил в озеро все глубже и глубже, и я подумал — уж не вздумает ли он перебраться на этот берег? Верба, на которой я сидел, уходила в озеро метров на пятнадцать, я был на ее середине, и до лосихи с лосенком было каких-нибудь пятнадцать-двадцать шагов. Сидеть мне в развернутом состоянии было тяжело. В левом боку стало ныть, и я кашлянул. Лосиха, которая все продолжала пить (буквально цедила воду!) вскинула голову, я ей, вложив в движение все свое благожелательство, кивнул, но зверь есть зверь. Не приняла она моего дружеского кивка и шарахнула в кусты. Вслед за ней (ничего, впрочем, не понимая) шарахнулся и лосенок. Смешно подкидывая зад, он поспешил в подлесок, за мамашей. Уняв стукотню сердца и потеряв занывший бок, я закурил и снова принялся за ловлю карасей...

В минуты интереснейшей ловли я тебя то и дело вспоминал: «Эх, знала б Катюха!» Поверь, весь год вспоминала бы ты эту рыбалку!

Представь, закидываешь снизу удочку, предварительно взяв в пальцы левой руки крючок, поплавок после падения на воду выныривает из воды торчком и тут же — через какие-то секунды — оказывается в лежачем положении. Только кончик, привязанный к леске, еле-еле подрагивает. Это карась сосет приманку. Делаешь потяг к себе, поднимаешь удилице, и вот он, озерный красавец, трепещется на крючке. Так карась заглатывает, что бултыхается в воздухе, пока его не поймашь на весу рукой и не прижмешь к боку. Он сразу затихает и только губами почмокивает, продолжая смаковать катышек хлеба или червя и не понимая, что уже не гулять ему в озерной глубине.

Не знаю, интересно ли тебе читать об этом в письме, но ни о чем другом писать тебе не могу, потому что «другое» как-то, но затронет мать, ибо отделить ее от тебя я еще, к сожалению, не могу, и отсюда, наверное, все мои душевные беды.

Что еще? Начало охоты на уток было неудачным. Дернул меня черт поехать с Иваном Колядиным на луговые озера, а на них всегда охотятся наше начальство. Берут с вечера жен, разводят костер, варят уху с традиционным петухом и начинают отдавать дань Бахусу. Я, грешным делом, такие выезды на охоту — с вечера и с непременно выпивкой — не любил и не люблю до сих пор, хотя и отличался пристрастием к спиртному. Что получается? Сидишь в «теплой» компании часов до трех, а в четыре, в начале пятого начинается заря, то есть утки начинают облет после проведенной на озере ночи. У охотничков головы трещат, половина из них, а то и все, похмеляются, и пошла потеха. Друг перед другом лезут в камыши, спугивают уток, палят, не целясь и не глядя, на выстреле ли утка, и разгонят к тому часу, когда начинается настоящий спокойный лет.

Так случилось и на этот раз. Подъехали мы с Ивановом из озера к полпьятому утра. Туманище, в двух шагах ничего не видать, а пальба уже идет, к озеру подойти опасно. Так и простояли мы с ним до восхода солнца у кромки леса, и уже на полпути к машине сбил я чудом налетевшего на нас чирка.

Но я свое возьму. Через три-четыре дня начну ходить на вечерние зори на свои лесные озера, где охотиться охотников мало — терпение и выдержка нужны.

Такие вот дела. Кстати, забыл написать, что около Свинячьего мы одним летом были втроем: ты, я и мать. Ходили за ежевикой. Отдыхали у трех молоденьких осонокорьков, у самой дороги к Свинячьему. Были у нас яйца, сало, картошка, арбуз, дыня, и все это мы слопали, особенно старалась ты. Помню, что крупный арбуз попался очень сладкий.

Осокори намного поднялись ввысь, стволы в две руки толщиной, и, глядя на них, на нетронутую траву, у меня так защемило на сердце, что обошел осокори стороной, чтобы не теревить душу.

Ты обещала написать мне, как доехала, но, увы... Ну, а я, как видишь, решил-таки напомнить о себе, о серьезном же, житейском, бытовом, думаю, и без желаний нам говорить придется.

Счастливых тебе часов, дней, нормальной учебы... До встречи.

В.Белокрылов.

с. Дерезовка, 3 апреля 1994 года.

Катя, здравствуй!

Хотел пригласить тебя посмотреть ледоход, но по многим причинам воздержался. Во-первых, трудно было предугадать, вскрыется ли Дон именно во время каникул; во-вторых, не был уверен, что ты поедешь сюда; в-третьих, как бы ты ехала — тоже вопрос немаловажный. <...> ...Здорово поразмыслив, написанное тебе письмо не отправил.

А вода ожидается большая, высокая. Как всегда, преобладают страсти, людям приятно подогреть себя преувеличениями. Многие уверены, что вода зальет не только огороды (нижние) и улицу, но и во дворы зайдет. Я, признаться, в это не верю. Март в смысле тепла был затяжной, снег сходил постепенно, яр не ревел, как ревет он при дружной весне, и талые воды уходили больше в землю, нежели в Дон. Правда, высота воды у нас зависит от снегов (их обилия) в верховьях, но по дороге сюда я видел, что снежный покров даже у посадок не так уж глубок. У нас снега тоже было не ахти как много, а вот в соседних — Волгоградской и Ростовской — областях, начиная с Богучара, снега выпало больше. Вот в низовье Дона, в основном в Ростовской области, там да, Дон может разлиться широко.

Но как бы там ни было, не думаю, что вода дойдет до нашей хаты. На моей памяти такое случалось дважды. Если прогнозы о большой воде оправдаются, хорошего мало. Самое страшное, что вода по всей улице погребов и подвалы зальет, и тогда, считай, до самого июня ни погребом, ни выходом пользоваться невозможно — сушка-просушка нужна. Да и дома пострадают.

Такие вот дела насчет половодья. Кстати, вскрытие льда я проследил. Как и многие. Обычно, если теплынь напориста, лед взламывается с таким гулом, уха-ньем, треском, что за полверсты слышно. А потом, как начнут крыги (льдины) друг на друга напозать, жуть охватывает, когда смотришь. Иные крыжины метра на два от воды на берег выбрасывает, а на быстрине — страшное месиво, как в кипящем котле. А тут... вышел утром — лед стоит, пошел в обед — ба, Дон чистый. Правда, на старом Дону лед так и стоял. Так чаще всего и бывает — держится он, пока не растает на месте.

Да, забыл. На пристани, где лодки ставят, всю зиму катер с баржей стоял. Еще по осени, в сильный мороз, оледенило его так, что он от Луцины еле до нашей

улицы дотянул, да так и остался зимовать, стиснутый льдами. Муж с женой — катерист и баржевница — всю зимушку и промаялись на катере. Представляешь их житье-бытье?

Еще. В связи с большой водой впервые за много-много лет разрешена охота на уток с подсадными. Не в пример охоте осенней — на перелетную дичь — эта охота и красива до самозабвения и, конечно же, добычлива. Чтобы тебе проще было понять, один случай — давний, безусловно. Отец нашей соседки Полины Захаровны вечерком с кряковой в лукошке и, ясное дело, с ружьем пришел к Дону, переехал на лодке на ту сторону (прогалину эту видно с берега, где мы постоянно купались) и, прибившись к первым деревьям, облюбовал вербу, на которую можно было легко взлезть. Крякуху (так называют дикую одомашненную утку) он на тихом месте привязал к кусту, сам на лодке подплыл к выбранной вербе и взобрался на нее, примавнув лодку к одному из нижних вербовых сучьев. Минут через пять утка стала крякать — кричать призывно, и тут же — вот они, женихи явились. Два крупных селезня шлепнулись на воду метрах в десяти от утки-крякуши. Дядя Захар стрелок был хороший и двух селезней уложил. Спустился, подплыл к добыче, забрал и, торопясь не пропустить заход солнца, опять на вербу. А лодку-то впопыхах кое-как цепью к тому же суку приторочил. Минут через пять-шесть сшиб еще одного селезня. Кинулся подбирать, а лодки-то тью-тью, нема: течением цепь натянуло и лодку уволокло. Вечереет уже, холодом от воды стало пробирать, а что делать? Стал он кричать, потом стрелять, но пользы-то? На круче по нашей стороне никого, а выстрелы — что ж, выстрелы, кто их поймет как сигналы — призывы на помощь? В домах огоньки засветились. Дело было в году 49-м, электросвета еще не было. Дядя Захарка сидит, околел совсем. Еще пострелял — никого, ничего, тихо, только пошумливает течением вода меж кустов. Ну, думает, шабаш, пропал, руки-ноги одеревенеют — в воду и свалюсь через полчаса. И тут слышит он — девочки на круче песню заиграли: «Сидит милый на крылечке...» Дядя Захарка чуть не заплакал: «Если б на крылечке, мать вашу так!..» — заорал он. Чтобы привлечь внимание, выстрелил, выждав, еще выстрелил (девчонки увидели огонь из ствола), ну, а дядя Захарка и давай кричать, кто он, что он и что ему надо. Короче, снял его с вербы дед Никит (тоже охотник), а лодку на второй день метрах в двухстах в кустах нашли.

Думаю, смысл охоты с подсадными-крякухами ты поняла. У Ивана Колядина две крякушки есть. Не знаю, удастся ли нам поохотиться, а пока я голубей промышляю. Шесть штук уже сшиб. Утречком или вечером, вроде бы между дел, иду на ферму с двумя-тремя патронами, снаряженными облегченными зарядами и, зная, что на диких голубей охота разрешена круглый год, не таясь, стреляю, когда один или два сизаря залетят в корпус. На ферме голубей пропасть, но после первого же моего прихода они поняли, что к чему, и стали осторожны.

Вот, скажешь, хорошая жизнь: наблюдает за Доном, голубей постреливает... Дорогая Катя! Подобные упреки от своих ближних, чем-то обиженных, я слышал и слышу часто. И слышу в основном от людей, которые имеют не только все необходимое, но и накопившие про запас. В народе говорят: за труды праведные не построишь палаты каменные... Это — верно! И чтобы закончить об упреках в мой адрес или обвинениях, что мне легко жилось и живется, расскажу кратко... <...> И вот я — да, писал, случилось, с задержкой книжки и без денег сидел... <...> Папане твоему две операции сделали, в детстве еще глаза лишился. Работая в каменном карьере, травму черепа получил, и чего-чего только не было... <...>

И меня лично спасает тяга к природе, связь с нею, спасают книги, раздумья о прочитанном с наложением на нынешнюю жизнь, спасает гитара, попытки сочинять стихи, подбирать мелодию к ним, спасает охота и неистребимая уверенность, что я предназначенное мне выполню!

<...> Вот видишь, хотел написать коротенькое письмо, а накатал с целую версту. <...> И не злись на меня... Я давно лишен права на тебя как-то влиять, принимать какое-то участие в твоей судьбе, но знай — ты постоянная боль в моей душе.

Кончаю. Как бы то ни было, желаю вам быть дружными, крепиться в теперешней нелепой тяжелой жизни и верить в наступление лучшего на этой грешной, но все же прекрасной земле.

Здоровья тебе, Катюха, и понимания того, что ты должна быть достойна хотя бы своей матери!

С тем остаюсь, В. Белокрылов.

РАННИЕ РАССКАЗЫ

Первые литературные публикации Василия Белокрылова относятся к периоду его работы в редакциях верхнемамонской, калачеевской районных газет. Предлагаем вниманию читателей рассказы, найденные в газетных архивах. Они свидетельствуют о самобытном таланте начинающего писателя и его недюжинном потенциале.

НАПАРНИЦА

Андрей злился. Его клонило в сон и временами казалось, что трактор медленно утопает во что-то мягкое. Он вздрагивал, встряхивая головой, и начинал слушать, как работает мотор. Но это ему никак не удавалось. Песня врывается в кабину, и он был уверен: Зинка поет нарочно громко. Он уже несколько раз порывался крикнуть, чтобы она перестала петь, но сдерживал себя.

Это случилось три дня назад. Солнце уже было готово коснуться черты горизонта, когда Иван, работающий с Андреем, почувствовал боль в правом боку. Товарищи, окружившие прицепщика, советовали побыстрее ехать в село. Через два часа Иван был уже в больнице.

Вот тогда Андрей и услышал о Зинке.

— Мне хоть бабку, лишь бы трактор не стоял, — ответил он бригадиру.

А на следующее утро увидел своего нового прицепщика. Так себе девчонка. Ничего особенного. Тоненькая, большие глаза, и из-под желтой косынки косы выглядывают.

Она напоминала школьницу, и тракторист уже думал о том, какие шутки по его адресу будут придумывать товарищи. Но изменить уже ничего было нельзя. Придется работать...

Пока Андрей возился около трактора, девушка стояла в стороне, а когда выехали на дорогу, чтобы ехать на свой участок, она наклонилась и сказала на ухо:

— А я тоже умею водить.

Андрей кивнул головой, будто услышанное для него ничего не значило.

— Что, не верите? — Зинка толкнула Андрея в плечо, но тот вместо ответа прибавил газу, и девушка, с ним неожиданности ткнувшись в спину парня, поклялась больше не говорить с ним.

Весь день они не сказали друг другу ни слова. Правда, в обед девушка нарушила свою клятву. До тракторного вагончика было далеко, и идти туда не имело смысла. По молчаливому согласию решили обедать здесь же. Зинка видела, что Андрей был чем-то расстроен, и догадалась: он забыл сумку с едой.

— У меня на двоих хватит, — сказала она и улыбнулась.

После, конечно, жалела об этом. Улыбаться было не нужно. Андрей, ничего не сказав, махнул рукой, и пока девушка ела, громко стучал молотком и ключами.

Ночь прошла также без разговоров, хотя вместе регулировали плуги, когда переезжали на участок с более твердой почвой.

Отношения не изменились ни на другой, ни на третий день. Андрей делал вид будто не замечает девушку, и Зинку это особенно обижало. Она понимала, что он просто не желает переменить ту роль, которую начал играть с первого дня их знакомства.

Как-то нужно было завести трактор. Девушка вместо бензина принесла солярки. Андрей, не говоря ни слова, выплеснул все на землю, сам принес горючего и вполголоса беззлобно ругался.

— Слушай, красавец, — с издевкой сказала она, — хватит разыгрывать из себя породистого петуха. Если языка нет, можешь не разговаривать. Я тебе не навязываюсь, понял?

Последние слова Зинка почти выкрикнула. Ей хотелось плакать от злости. ...Всего месяц назад она приехала в колхоз из техникума механизации. В небольшом городке, где училась, многие ребята отказывали ей в дружбе только потому, что она выбрала, по их мнению, мужскую профессию. Но ее это не огорчало. В техникуме с первых дней она привыкла к насмешкам. Сначала сердилась, потом поняла: отношение ребят изменится, если она перестанет обиженно фыркать на каждое слово. Так и получилось. На выпускном вечере ей все желали хорошо работать, а кое-кто советовал замуж выходить только за механизатора.

Оказавшись вместе с Андреем, девушке хотелось о многом спросить, рассказать, услышать от него, практика, что-либо интересное. И вот тебе. Ни за что ни про что надулся и молчит...

Андрей очень тяжело сходил с людьми. В детстве он почти ни с кем не дружил, в юности стеснялся девушек, а в армии его прозвали Молчуном.

Когда Зинка назвала его петухом, он не обиделся. Ему самому захотелось заговорить с девушкой, но он сдерживался. Ему казалось, что Зинка знает об этом и в душе смеется над ним.

В эту ночь предстояло вспахать последний участок. Андрей радовался — он первым из трактористов справится со своим заданием. Заправив машину, пошел в вагончик. Бригадир, растерянный и молчаливый, приказал заводить трактор и ехать в Ендовую балку.

— Машина там с горючим застряла. А нам без топлива... сам понимаешь...

Капризна в балке влажная земля. Машина прочно всосалась в податливый грунт. Оставалось несколько метров, когда лопнул трос. Андрей сам связал его и показал Зинке на трактор. И тут случилось несчастье — трос оборвался снова. Концом сильно ударило не успевшего отскочить в сторону тракториста. Правая рука онемела.

...Андрей волновался. Несколько раз выходил из вагончика и смотрел в степь. Облегченно вздохнул, когда увидел, как острые ножи фар разрезали темноту. Значит, у Зинки все было в порядке, и он был уверен, что она все сделает за него.

(«Колхозная жизнь», № 52 (3167), 01.05.1961 г.)

МАНЬКА-КРАСАВКА

Забой, в котором работал Павел, — почти рядом с пристанью. Девчата из звена Марии Кудеяровой приезжали сюда за камнем перед самым обедом. Загрузив самосвал, все трое втискивались в кабину, и машина медленно уползала в гору.

Отъезд грузчиц — начало перерыва. Каменоломы бросали лопаты, молоты, ломы и спешили к роднику. Котелками, а то и фуражками черпали воду, умывались и тут же рассаживались на зернистом песке. Ели не торопясь, молча. Потом закуривали и начинали говорить.

Изредка с грузчицами приезжала звеньевая. Смуглая, с длинной косой, она отличалась от своих подруг мальчишеской резвостью. Карие глаза были, пожалуй, слишком большими на ее лице, и, может быть, только поэтому девушка постоянно прищуривала их.

У нее небольшой рост и сильные ноги. Она все лето не береглась от солнца — не натягивала на самый нос косынку, не применяла крем. Подруги завидуют ей и немного сердятся, когда звеньевая бывает в забое.

Присутствие Кудеяровой не нравилось и Павлу. Как только машина останавливалась, звеньевая совсем по-ребячьи прыгивала на землю и, если не пускалась в пляс, то выдумывала какую-то другую шутку: дарила пожилому Игнату Макарцову сигарку с песком, обливала ребят водой.

Павлу всегда почему-то казалось, что все это звеньевая делает только для того, чтобы на нее смотрели. Он видел, что девчата тоже хмурились, а Кудеярова, бросив в машину несколько камней, выскакивала на самое видное место и начинала рассказывать о своих поклонниках. Павлу становилось досадно, когда ребята хототали над осмеянным звеньевой кавалером. Он замечал: каменоломы часто вообще не верили девушке, а все-таки смеялись. Павел злился. Ему хотелось, чтобы Кудеярова перестала так неуместно шутить, но она вертелась, приседая, закидывала назад голову, и ее коса почти доставала до загорелых ног.

Павел пришел в карьер совсем недавно. Окончив десятилетку, полтора месяца отдыхал, а потом решил работать. Мать со слезами на глазах требовала, чтобы он ехал учиться, видела, что сын думает о чем-то своем, и однажды вечером добила признания.

— Поработаю год-два и поступлю заочно. И ты, мама, мне не мешай...

С каменоломами Павел сошелся в первый же день. Во время перерыва лучший рабочий карьера Федор Ломылин пообещал познакомить его с одной звеньевой.

— Во девушка! — показал Федор большой палец. — А зовут ее, знаешь как? — и пошептал на ухо, — Манька — Красавка...

От знакомства Павел отказался наотрез и заметил: Федор остался доволен.

Через два дня он увидел Кудеярову. Ему стало неприятно за ребят. Казалось, каждый из них забывал, что в забое есть люди. Все они смеялись, когда девушка улыбалась, подстраивались к ее настроению, своими взглядами, жестами настойчиво напоминали звеньевой о ее привлекательной внешности.

И через несколько дней Павел не выдержал.

— Тебя тут покупать не будут, — со злостью сказал он. — Чего вертишься?

— Что-что?

Девушка вздрогнула. Она презрительно сощурила глаза, присела, как бы готовясь к прыжку, и слушала, будто не ухом, а ртом, показывая тонкие влажные губы.

Павла взорвало притворство.

— Не слышишь вроде, — приглушенно проговорил он, не бросая молота. — Ты дело делай, а не вихляйся. Красоту люди и сами заметят...

У звеньевой дрогнули губы, брови взметнулись вверх. Она сжалась и шагнула к ребятам, не взглянув на Павла.

— Кто же это у вас появился, а? Не профессор ли из Москвы? — и, обернувшись к Павлу, выдохнула: — Один не боишься спать? Учить собрался... Ты, гляди, к вечеру тут штаны не потеряй!

Кто-то хихикнул, но Игнат Макарцов, кашлянув в кулак, подошел к Кудеяровой.

— У тебя, Манька, язык, как у коровы хвост в жаркую пору. Прав Пашка. Уж больно ты любишь нашему брату глаза мозолить. А за правду чего ж пыхнула? Ты что, хочешь в жизни все время гостевой быть? Нет, девка, не выйдет, все будет...

Ну, а вы чего? — прикрикнул Игнат на ребят. — Привыкли Маньке в зубы заглядывать, а она и егозит.

— Ты, дядя Игнат, не шуми, — вмешался Федор. — Он тут без году неделю, а тоже... учить начал, — и со злостью бухнул молотом в камень.

Павел молчал. Он видел, с каким усердием ребята махали молотами, и понял: ребятам не понравилось его поведение.

«Ну, и пусть, — подумал он, — унижайтесь, если привыкли, а я не буду! Ишь, цаца. Обидел...»

В этот день звеньевая появлялась в забое несколько раз. Она, не разгибаясь, бросала тяжелые камни и изредка косилась туда, где работал Павел. Он ожидал, что Манька-Красавка не выдержит и заговорит, хотя бы с подругами, но ошибся.

* * *

Об этом узнал Игнат Макарцов. В обед он пошел на пристань купить в магазине махорки и задержался. Вернулся, когда его уже не ждали, — солнце вот-вот скатится за горизонт.

Игнат присел на горку измельченного камня, достал кисет, а потом сказал, будто подумал вслух:

— Вот и ушла Красавка наша...

Поднялся, подошел к Павлу, бросил на его плечо сухую, жесткую ладонь:

— Так-то, Павел, — и побрел к роднику.

Ребята молчали. Федор зачерпнул воды, пополоскал во рту и, глянув на Павла, повернулся к Игнату:

— Ты толком можешь? В молчанку нечего играть...

— А тебе-то что? — почему-то рассердился Игнат. — Ушла, вот и все. В другой забой, понял?..

Федор схватил молот, сумку, в которой носил харчи, и, поравнявшись с Павлом, обжег его взглядом. Остальные пошли за ним.

— Чего это они, дядя Игнат?

Павел как-то сразу понял, что звеньевую по-своему любили в забое, давно привыкли к ней, и вот теперь...

— Я ведь, честное слово, так просто сказал, а они...

Игнат махнул рукой, но не уходил, и Павел обрадовался, что его будут слушать.

— Я попрошу, чтоб вернулась или... или уйду!

— Куда это, позволь спросить? Ты, Пашка, не виноват. А ребята, что ж... Привыкли к ней, пойми их.

Они не спеша пошли по усеянной галькой и щебенкой дороге, и Игнат говорил:

— Манька из гордых, красивая, конечно. Избаловали ее наши хлопцы, не перечили ей ни в чем. А женщине что надо? Уважения к себе любая требует, а Манька в особенности. Ведь к ней, Пашка, почитай, каждый маслился. А толку? Ни к одному не прислонилась. Ей, может, давно хочется вот так взбелениться, да случая не было. Женщины, Пашка, тоже не любят, когда к ним наш брат сам за юбку цепляется. А в забое попервоначально цеплялись. Манька и привыкла. Ну, а ты стебанул ее гордость, вот и получилось. Нехорошо, конечно, но уладится...

* * *

В этот вечер Павел купил папирос. В первый раз. Глянул кругом. Никого... налетал ветер, сбивал желтую листву с кленов и швырял под ноги. В просторном небе — осколок луны. Точь-в-точь, как индейская пирога.

Павел остановился у плетня, ломая спички, с трудом прикурив и жадно глотнул дыма. В груди обожгло, закашлял, но папиросу не бросил.

Светились окна в доме, но туда не тянуло. Там — свет, тепло, книги, мать, дымящийся борщ на столе... Обычное, знакомое, что было вчера, неделю, месяц назад. Теперь же Павлу чудилось что-то новое, еще непонятное, далекое и нужное...

* * *

Кудеярову увидели издали. Она шла не по дороге, а по тропке, пробитой колхозным стадом. Поравнявшись с кустом боярышника, остановилась и огляделась по сторонам. Потом побежала — вприпрыжку, как школьница. Каменоломы никак не ожидали, что звеньевая так скоро придет в забой. Они стояли немножко растерянные и ожидали, что будет.

А Манька, чтобы скрыть смущение, глубоко дышала, несколько раз обвела взглядом ребят и как-то невесело проговорила:

— Здравствуйте...

Все ответили кивком головы.

Было видно, девушка хочет спросить о чем-то и почему-то не решается.

— Ну, садись, садись, — пригласил Игнат и указал рукой на большой, только что вывернутый из песка еще влажный камень.

— А чего не в полном сборе? — девушка тоскливо осмотрела забой.

— А... Ты про Пашку? — Игнат улыбнулся. — Да ты садись.

Девушка будто не слышала.

— Он что... ушел?

— Простыл где-то парень, болеет. Ты присядь, отдохни.

— Нет-нет. Я... Ждут меня, наверно.

Девушка крутнулась на месте, махнула рукой и пружинисто зашагала в гору...

(«Колхозная жизнь», № № 63-64, 26-31. 05.1961 г.)

ТРОЕ В ПУТИ

Заря поднималась холодная, по-настоящему осенняя. Весь день шел дождь. По тучам, сплошь обложившим небо с самого утра, можно было думать, что он зарядит надолго. Но к вечеру неожиданно подул ветер, и дождь перестал.

Дорогу развезло. Казалось, она полита подсолнечным маслом, и колеса грузовика то и дело сползали в кювет. Любка тогда стискивала зубы и клонила в другую сторону: так хотелось помочь машине выровняться.

Шофер шепотом ругался и вслух проклинал дорогу. Он часто кивал Виктору, и тот быстро доставал из кармана пачку отсыревших папирос.

Виктор недавно из армии. Низкого роста, он слишком широк в плечах, и Любке всегда думалось, что он слишком стесняется этого. Отчего он всегда молчит и сторонится девушек? Вот и теперь. Шофер из себя выходит, Любка тоже нервничает, а ему хоть бы что. Спокойно барабанит пальцами по боковому стеклу машины и молчит.

Любка сидит в середине. Она видит, как напрягаются мускулы на руках шофера, когда впереди показывается особенно трудный участок дороги, и хочет, чтобы Виктор заговорил. Ну хоть бы ругался, и то легче! Она ведь девушка. Ее дело молчать, если парни рядом.

Впереди еще много пути. Так хочется быстрее попасть на хлебоприемный пункт и знать, что эта машина, груженная янтарными кукурузными початками, обрадует весь колхоз. Председатель говорил, что их могут обогнать, и тогда колхоз не выполнит план первым. Надо спешить и спешить...

Стало совсем темно, и когда свет фар осветил мокрую дорогу и кусты бурьяна по сторонам, в осенней степи показалось еще просторней, а в кабине зябко. Любка поежилась, закрыла глаза и о трудной дороге догадывалась по работе мотора.

А потом она увидела огни. Казалось, они были в небе. Ей вспомнилась книга, название которой уже успела забыть. Она никак не могла тогда понять, как это могут светить в небе огни большого города.

Перед самым районным центром машина прочно засела задним правым колесом в глубокую колдобину. Напрасно шофер прибавлял газ. Колесо дымилось, в яме уже не стало воды, но машина не трогалась. И Любка поняла, что шофер упал духом. Он сел прямо на мокрую землю, вынул папироску, но не прикурил, а бросил в лужу.

Виктор по-прежнему молчал. Он раза два обошел вокруг грузовика и подошел к шоферу:

— Пойду бурьяна принесу.

И ушел в темноту, шлепая по лужам.

Бурьян не помог. Колесо перетерло его в муку и выбросило далеко назад с комьями земли.

— Не приедем мы. Это уж точно...

Шофер не вылез, а вывалился из кабины и опять сел.

— Не приедем, не приедем, — обозлившись, передразнила Любка. — Надо приехать!

— В самом деле, — сказал Виктор, — чего же в грязи валяться? Давай пробовать. Мы с Любкой толкать будем.

— Вы натолкаете. Если уж мотор не берет, то от вас пользы...

Шофер махнул рукой и опять полез в машину. Шел уже второй час ночи.

Любка, обрызганная с головы до ног грязью, готова была заплакать. Виктор стоял позади грузовика, а шофер, вполголоса ругаясь, укладывался ложиться спать в кабине. Он наотрез отказался губить машину и сказал, что заведет мотор только на рассвете.

— В два мы должны быть уже на месте, — сказал Виктор. — Давай последний раз.

— Я же сказал, — шофер захлопнул дверцу и крикнул: — И идите вы к черту...

Виктор решительно открыл дверцу:

— Ты нас никуда не посылай, а вылазь.

Любка догадалась, что у Виктора созрело решение. А он отошел в сторону, снял с себя фуфайку, бушлат и бросил под колесо.

Взревел мотор, кузов задрожал, и Виктор радостно крикнул:

— Пошла, пошла!..

Небо очистилось, показались яркие осенние звезды.

Любка подумала о разорванной фуфайке Виктора, сняла с себя шаль и молча положила ее на колени парня.

(«Колхозная жизнь», № 108(3223), 10.09.1961 г.)

ЯШКА И МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

На большой перемене Таня Листова вытащила из портфеля сверток и вприпрыжку убежала в дальний угол. На это никто не обратил внимания. Все знали — Таня лакомка, и в ее портфеле всегда спрятано что-нибудь вкусное.

Девочки шумно обсуждали у классных дверей какую-то интересную книжку, а ребята смотрели в окна и жалели, что уже март, и снег начинает таять.

В это время в коридоре появился Яшка Липкин и его неразлучные друзья — Колька Свист и Вовка, прозванный «чемпионом» за то, что хуже всех выполнял

упражнения на уроках физкультуры. Они с любопытством наблюдали за Таней. А та развернула бумагу и вскрикнула. Сверток выпал у нее из рук, на пол упали конфеты, домашние пирожки.

Девочки окружили Таню, а она плакала и, прижавшись к стене, махала руками.

...В учительскую Мария Николаевна вошла быстро. Положив на стол стопку тетрадей, шагнула на середину комнаты и заговорила, обращаясь сразу ко всем:

— Ну что мне с Липкиным делать? Все мне твердят, что он мальчик хороший, а этот хороший...

— А в чем дело, Мария Николаевна? — перебил учительницу преподаватель физкультуры Иван Алексеевич.

— А в том, что опять ваш Липкин натворил. И откуда он взял этого воробья?

И Мария Николаевна рассказала, как Яшка Липкин нашел где-то мертвого воробья и положил его в сверток с продуктами лучшей ученицы класса Тани Листовой. Учителя засмеялись, а Мария Николаевна грозилась пойти к директору с просьбой перевести Яшку если не в другую школу, то в другой класс.

— Занимается он хорошо, остальное наладится, — говорил Иван Алексеевич. — Кровь у парня горячая, на месте не может сидеть.

Большинство учителей соглашалось с Иваном Алексеевичем, но Мария Николаевна осталась при своем мнении.

— Плохие вы педагоги, — сказала она. — Испорченный мальчик ваш Липкин. Я бы его и к порогу школы не подпустила...

Мария Николаевна жила далеко от центра. Она шла медленно и смотрела по сторонам. Зима пошла на убыль. Оголилась песчаная дорога, по обочинам большие лужи с кусками низкого мартовского неба. На каждом дереве воробьиный гомон, во дворах радостно горланят петухи.

Мария Николаевна улыбнулась, а потом вспомнила разговор в учительской и нахмурилась. Сколько возилась она с Яшкой, а толку, видно, все равно не будет. Каждый день шалит, каждый день придумывает что-нибудь такое...

— Буду просить, чтобы в другой класс его...

Эти слова Мария Николаевна сказала вслух и, покраснев, глянула по сторонам — нет ли кого поблизости?

А вечером учительница почувствовала себя плохо. В комнате было тепло, но у нее мерзли руки, плечи. Не согревал даже шерстяной платок. Есть не хотелось. Мария Николаевна выпила полстакана кофе, легла в постель, но согреться не могла. К счастью, вскоре по каким-то делам к ней заглянула соседка. Увидев учительницу в постели, она побежала в больницу.

Врач в очках, маленький, юркий, потоптался около кровати, попробовал пульс, посмотрел на градусник и по привычке проговорил весело:

— Придется, голубушка, полежать несколько дней. Грипп у вас, в школу вам нельзя. Дам вам освобождение, а 9 марта выйдете на работу.

Мария Николаевна утром следующего дня попыталась встать, но в голове зашумело, по телу прошла горячая дрожь, ноги подгибались. Ей хотелось идти в школу. Завтра — 8 марта. Ее поздравят учителя, школьники. Она одинока, и ей особенно радостно слышать ласковые слова учащихся. Ведь она отдает им все, и дети чувствуют это. В этот день они особенно внимательны, предупредительны.

...Легкий туман рассеивался над улицей. Капало с крыш, со ставней, а когда наскакивал ветер, ставня хлопала по стеклу. Стекло звонко звенело, и этот звук больно отзывался на сердце пожилой учительницы. Во дворе быстро темнело, в комнате было холодно. Надо было встать, наколоть дров, принести угля и растопить печку. Но у Марии Николаевны не хватало сил. Она плотнее закуталась в одеяло и мысленно представила свой класс.

В дверь кто-то робко и осторожно постучал. Учительница подумала, что это ей показалось, но стук повторился. Она обрадовалась и с трудом встала с постели.

В комнату несмело вошел Яшка Липкин. Он поздоровался еще в сенях и теперь не знал, что делать. Яшка топтался на месте, а когда Мария Николаевна пригласила его присесть, сказал, заикаясь:

— Я к вам... подарок.

— А у меня в комнате холодильнике, — перебила Мария Николаевна.

— Я сейчас...

Яшка вскочил, ринулся к двери, потом остановился.

Через полчаса в грубке трескался уголь, тепло заполняло комнату. Яшка сидел на стуле и молчал, учительница тоже сидела молча. Она хотела сказать что-то ласковое, но все слова оказались или неубедительными, или ненужными. А потом Яшка ушел.

Мария Николаевна подошла к столу, развернула сверток и ахнула. В ее руках оказалась сахарница, искусно сработанная из дерева и блестящей желтой меди. Учительница догадалась, что Яшка сделал это сам, и сказала вслух:

— Молодец, Яша...

(«Колхозная жизнь», № 28, 07.03.1962 г.)

НОЧНЫЕ ЗВУКИ

По ночам над просторной степью пролетали стаи уток. Утомленные, они жались к самой земле, жадно отыскивая в темноте желанную воду. Но вокруг не было даже маленького озерца. Устало крикал головной селезень, был слышен свист крыльев, и утиная стая уплывала на север.

Огненными каплями дрожат в небе звезды. А когда показывается луна — чудится, будто не лунный свет льется на землю, а звуки сочатся с вышины. Стоит только прислушаться, затаив дыхание, и незнакомая мелодия зазвучит в ушах. Лунный свет — это тысячи звуков...

Сергей умел слушать музыку ночи. В ближней балке шумели тополя, но ему всегда казалось, что это волны с шуршанием лижут песчаный берег. Он закрывал глаза и видел, как пенится вода, видел отраженные в речке ивы и серебристую росыше лунного отражения.

Сергей не любил бесконечную ровную степь. Когда его газик петлял по полевым дорогам, и тугая весенняя земля присасывала шины колес, ему думалось, что плывет он по речке, а лодку покачивают упругие волны.

Степь заставляла думать. И в голове Сергея роились мысли — такие же бесконечные, как эта степь...

По вечерам на полевом стане вспыхивал костер. Ночные птицы шарахались в темноту, будоражили тишину напуганным криком. Трактористы, прицепщики, шоферы бензовозов усаживались вокруг огня, пели любимые песни, слушали веселых рассказчиков и подолгу смеялись каждой шутке.

А Сергей бросал на пахнущую сыростью землю старенький пиджак, ложился на спину и, не закрывая глаз, глядел в звездное небо. Короткая ночь казалась ему длинной, как бескрайняя степь...

Потом у костра гасли ребячьи голоса, и темнота заглатывала последние отблески огня. В это время у полевой будки рождались мягкие робкие звуки. Сергей всегда с нетерпением ждал, когда Зина начнет играть. Она работала поваром, а свое свободное время посвящала гитаре. Каждую неделю почта доставляла ей ноты, выписанные из Москвы.

Иногда она пела. И тогда замирал Сергей, закрывал глаза.

Утро туманное, утро седое.
Нивы печальные, снегом покрытые.
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые...

И Сергей вспоминал. Вспоминал заснеженные улицы родной деревни, старую ветряную мельницу на бугре, вспоминал, как в половодье на лугу полыхает разлив, вспоминал цветущие вишневые сады и шершавый вяз у ворот дома.

Решение созрело сразу. Нет, он не останется здесь, он не будет целыми днями носиться по степи и каждый вечер глядеть, как на западе исчезает солнце. Целинное солнце. Оно совсем не похоже на то, которое ежедневно пряталось за холмами в его деревне.

«Выждать момент и бежать. Бежать!..»

На другой вечер, чтобы не навлекать подозрений, Сергей был у костра и вместе со всеми ушел в будку. А потом он ждал, морщил лоб и без конца курил.

Нет, не плыли в темноту гитарные звуки, только звезды по-прежнему мельтешили в вышине. Сергей не слышал Зининой игры ни на второй, ни на третий день.

А затем случилось простое и долгожданное. Зина подала ему миску жирного борща, и Сергей услышал только три слова:

— Для тебя играла...

В эту ночь ребята видели, как парень и девушка, освещенные заревом костра, шли по степи, бескрайней просторной степи, залитой лунным светом.

...По-новому глядел теперь Сергей на раздольную и широкую равнину. Жизнь степи и сердце Сергея теперь звучали в унисон — молодо и неповторимо.

(«Сельский труженик», № 5, 22.04.62 г.)

Публикация Татьяны БАГРИНЦЕВОЙ

